АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЪ НЕВСКІЙ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ и ВСЕЙ РУСИ.

Историко-біографическій очеркъ.

Сій князь Олександръ бѣ побѣжая, а не побѣдимъ.
Продолжатель Нестора. [1])

Александръ Невскій, сопричтенный православной церковью къ лику святыхъ, занимаетъ, дѣйствительно, видное мѣсто въ ряду самыхъ крупныхъ личностей Русской Исторіи. Имя его, не только гремѣвшее на Руси XIII вѣка, но извѣстное тогда и въ странахъ отдаленныхъ, перешло къ потомству прочно и, въ обстановкѣ подвиговъ святаго князя, сдѣлалось именемъ одного изъ любимыхъ героевъ народныхъ преданій. Подвиги Александра тѣмъ ярче, знаменитѣе и народнѣе, что они чужды себялюбія, въ большей или меньшей степени, свойственнаго дѣятельности другихъ, исторически-замѣчательныхъ, государей русскихъ. Александръ, по единогласному свидѣтельству лѣтописцевъ, «много трудився за землю русьскую, и за Новгородъ и за Псковъ и за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за правовѣрную вѣру», «за православное християньство» [2]). Мудрено ли, что русская земля помнитъ святаго «страдальца» за нее, а современники Александра Невскаго, проникнутые очевидно неподдѣльными чувствами любви, благодарности и удивленія къ нему, сравниваютъ своего героя и съ Александромъ Македонскимъ и съ Ахиллесомъ [3]).

Александръ, именуемый Невскимъ, вторый сынъ Ярослава II Всеволодовича, великаго князя кіево-владимірскаго и всей Руси, родился 30 мая [4]) 1220 г. [5]), въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, гдѣ его отецъ жилъ тогда удѣльнымъ княземъ. Матерью Александра была Ростислава-Ѳеодосія Мстиславовна, вторая [6]) жена Ярослава II, дочь Мстислава Мстиславича, знаменитаго князя галичскаго и новгородскаго, слывущаго въ лѣтописяхъ *Удатнымъ* или *Удалымъ*, также *Храбрымъ* [7]).

О самомъ раннемъ дѣтствѣ Александра никакихъ лѣтописныхъ извѣстій нѣтъ. Можно, впрочемъ, предполагать съ достовѣрностью, что дѣтство это принадлежитъ не одному Переславлю. Такъ, уже въ 1223 г., видимъ Ярослава, отца 3-хъ-лѣтняго тогда Александра, переѣзжающимъ изъ Переславля, разумѣется, со всей семьей, на княженіе въ Новгородъ,—откуда однако Ярославъ, поссорившись съ Новгородцами, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился домой. А въ 1225 г., онъ былъ приз-

---

[1]) Лаврент. Лѣтоп. с. 205. Полн. Соб. Рус. Лѣт. Изд. 1846. т. I.

[2]) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Изд. 1793.— Лѣтописецъ Новгородскій. Изд. 1781 г. с. 148.

[3]) Времянникъ (Софійскій) или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534. Изд. 1820. ч. I, с. 273.

[4]) Татищевъ: Исторія россійская съ древнѣйшихъ временъ (до 1463 г.). Изд. 1768—1784. кн. III, с. 423.

[5]) По крайней мѣрѣ, *не раньше* этаго года, такъ какъ старшій сынъ Ярослава II, Ѳедоръ, родился, по свидѣтельству лѣтописей, въ 1219 г.

[6]) Нѣкоторые считаютъ ее *третьей* женой Ярослава II, бывшаго въ первомъ бракѣ съ княжной половецкой, неизвѣстной по имени. Но лѣтописи говорятъ только о *двухъ* женитьбахъ Ярослава, въ 1206 и 1214 г. А лѣтописецъ Переславля Суздальскаго (изд. 1851. Предисл. с. III) указываетъ на большое потомство Ярослава II именно отъ матери Александра Невскаго.

[7]) Этаго Мстислава храбраго не должно смѣшивать съ другимъ того же прозвища, его отцомъ, Мстиславомъ Ростиславичемъ, княземъ новгородскимъ, причтеннымъ православной церковью къ лику святыхъ.

ванъ снова на княженіе тѣми же Новгородцами, «характеръ которыхъ—замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ—отличался живостію и измѣнчивостію» [8]). Здѣсь, въ Новгородѣ, Александръ достигнулъ отрочества и, вѣроятно, подвергнутъ обряду *постриговъ*, который, въ княжескомъ быту того времени, совершался, какъ кажется, неупустительно и состоялъ въ томъ, что ребенка-княжича, иногда 4-хъ лѣтняго, послѣ извѣстнаго молитвословія надъ нимъ въ храмѣ, торжественно сажали на коня и опоясывали мечемъ. Къ этому же періоду должно отнести и начало грамотности Александра, между тогдашними князьями уже на столько распространенной, что составителямъ «Житія» Александрова не стоило бы вводить, особенно для восхваленія святаго князя, такую фразу: «родивше, родители его (Александра) паки второе породиша и святымъ крещеніемъ, и *святымъ книгамъ научиша его*» [9]). Гораздо лучше было бы составителямъ сказаннаго «Житія» пояснить фактами и другую свою же фразу, безъ такого объясненія—голословную, что Александръ «отъ юна возраста и отъ младыхъ ногтей всякому дѣлу благу наученъ бывъ» [10]). Не придавая значенія подобнымъ фразамъ, мы однако не можемъ отвергнуть, чтобъ ребенокъ-княжичъ вообще, стало быть и Александръ, одновременно съ началомъ грамотности, даже раньше того, не получалъ и первыхъ задатковъ развитія нравственнаго, тогда своеобразнаго, пожалуй, односторонняго, но все таки—развитія. Эта сторона образованія ограничивалась семьей — и исчерпывалась преподаваніемъ княжичу, въ смыслѣ примѣра, подвиговъ, добродѣтелей и важнѣйшихъ событій жизни только его предковъ. Чтобъ понять такую особенность, надо всмотрѣться въ миросозерцаніе русскихъ людей удѣльнаго періода, среди которыхъ родился и росъ Александръ, будущій Невскій. «Семья—говоритъ одинъ изслѣдователь этого періода—была для нихъ болѣе, чѣмъ жизнь: она храмъ, святыня. Для нея благо міра, для нея всѣ силы, всѣ помыслы, для нея молитвы, вся жизнь. *Чувство семейное двигаетъ всѣми дѣлами періода удѣловъ;* оно говорило въ князьяхъ, въ дружинахъ, въ народѣ. Въ этомъ чувствѣ миръ, нѣтъ ни войны, ни тревогъ» [11]). И княжичъ Александръ, воспринимая первыя впечатлѣнія въ лонѣ такой семьи, слушалъ, съ живымъ любопытствомъ ребенка, безъискуственную повѣсть о своихъ предкахъ, изъ которыхъ, напр., дѣдъ его по отцу, Всеволодъ III Юрьевичъ Большое-Гнѣздо, великій князь владиміро-суздальскій и всей Руси, умершій лѣтъ за восемь до рожденія Александра, «не токмо—говоритъ лѣтописецъ — единой суздальской земли *заступникъ* бѣ, но и всѣмъ странамъ землѣ роусьскыя, и новгородской, и муромской» [12]). Кто знаетъ, не оставался ли этотъ примѣръ дѣда завѣтомъ и для внука.

На сцену историческаго дѣйствія будущій Невскій выступаетъ впервые въ 1228 г., когда Ярославъ, отецъ его, вслѣдствіе неладовъ съ Псковомъ, братомъ Новгороду, уѣхалъ, съ своей княгиней, въ Переславль, оставивъ въ Новгородѣ двухъ старшихъ сыновей, Ѳедора и Александра, обоихъ подъ надзоромъ вельможи Ѳедора Даниловича и тіуна Іоакима. Отроки-князья, въ отсутствіе родителей, видѣли мало радости: «Той же осени—повѣствуетъ лѣтописецъ—наиде дъжгъ (дождь) великъ день и ночь, на Госпожинъ день (15 августа) оли и до Никулина дня (6 декабря) не видѣли свѣтла дни; ни сѣна людьмъ бяше лзѣ добыти, ни нивъ дѣлати». Къ этому естественному бѣдствію присоединилось и политическое: вольнолюбивый Новгородъ всталъ мятежемъ, выгналъ архіепископа, разграбилъ домы своихъ бояръ и, отъ имени вѣча, послалъ къ Ярославу гонца съ разными требованіями. Но Ярославъ медлилъ отвѣтомъ, а Новгородъ продолжалъ бушевать—и оба княжича, сыновья Ярославовы, были увезены изъ Новгорода своими дядьками тайно, ночью, уже на первой недѣлѣ поста 1229 г. Узнавъ объ этомъ побѣгѣ, Новгородцы говорили: «дажь что зло съдумавъ на святую Софію, а побѣглъ, а мы ихъ не гонили, нъ братью свою еме казнили, а князю еме зла не створили ни котораго же; да оно имъ Богъ и крестъ честьныи; а мы собѣ князя промыслимъ» [13]). Не дальше однако, какъ въ слѣдующемъ же 1230 г., Новгородцы, разсорившись съ новымъ княземъ своимъ, Михаиломъ черниговскимъ (впослѣдствіи святый), воспользовались отъѣздомъ его въ Черниговъ, подняли усобицу—и призвали къ себѣ опять Ярослава, который и явился къ нимъ, съ сыновьями Ѳедоромъ и Александромъ, 30 декабря. Но въ половинѣ января 1231 г. Ярославъ возвратился въ Переславль, сбирать полки на Михаила черниговскаго, а оба княжича, по прежнему, остались въ Новгородѣ и тутъ, съ наступленіемъ весны, были очевидцами страшнаго бѣдствія, голода, какого Новгородъ и не запомнилъ: «Что глаголати бывшей на насъ отъ бога казни? восклицаетъ лѣтописецъ; яко иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы... иніи же мъхъ (мохъ) ядяху, ушь (лыки), сосну, кору липову и листъ ильмъ, кто что замысля. А иніи пакы зліи человѣци почаша добрыхъ людіи домы зажигати, кдѣ чююче рожь, и тако

---

[8]) Костомаровъ: Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно вѣчеваго уклада. Изд. 1863. ч. I, с. 102.

[9]) «Житіе св. Александра», рукопись въ библіотекѣ С.-Петербургской духовной Академіи. № 273.

[10]) Тамъ же.

[11]) Пассекъ: Общій очеркъ періода удѣловъ. Чтенія въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1868. Кн. III, отд. I, с. 6.

[12]) Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго. Изд. 1851. с. 110.

[13]) Новгородская первая лѣтопись, с. 44. Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. III. Изд. 1841.

разграбливахуть имѣніе ихъ... а видяще предъ очима нашимъ гнѣвъ божіи: мьртвьци по уличамъ и по тържу и по мосту по великому, отъ пьсъ и изъѣдаемы, оже не можаху погребати... братъ брату не съжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣбо; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣтіи плачющe хлѣба, а другая умирающа.. и даяху отци и матери дѣти свое одьрень (закладъ), изъ хлѣба, гостьмъ (купцамъ)» [14]). Такое зрѣлище, надо полагать, оставило свой слѣдъ въ памяти и сердцѣ 11-ти лѣтняго Александра, которому суждено было, еще черезъ два года, извѣдать горе болѣе личное, слѣдственно, болѣе тяжкое: старшій братъ его Ѳедоръ, съ Александромъ до сихъ поръ неразлучный, сдѣлавъ, по приказанію св. великаго князя Юрія II, роднаго дяди своего, походъ на Мордву, изготовился вступить въ бракъ съ невѣстой, уже приведенной къ жениху, и—умеръ внезапно, въ Новгородѣ, 5 іюня 1233 г. [15]). Въ слѣдующемъ 1234 г., Александръ былъ свидѣтелемъ выступленія отца своего изъ Новгорода къ Дерпту, на ливонскихъ рыцарей, а оттуда къ Старой Русѣ и дальше, въ Торопецъ, на Литовцевъ, грабившихъ русскіе предѣлы,—по поводу чего неизвѣстный описатель жизни Александра не оставляетъ замѣтить, что «промыслу Божію, казалось, угодно было предварительно открыть будущему защитнику новгорода и всей земли русской всѣ и внутреннія неустройства, и внѣшнія опасности края, гдѣ ему надлежало впослѣдствіи дѣйствовать» [16]). Начало этого «дѣйствія» можно отнести къ 1236 г., подъ которымъ въ лѣтописи отмѣчено: «Поиде Ярославъ изъ Новагорода Кіеву на столь, а въ Новѣгородѣ посади сына своего Александра» [17]). Съ Александромъ осталась въ Новгородѣ и мать его, княгиня Ростислава Ѳеодосія [18]).

Сдѣлавшись, такимъ образомъ, княземъ новгородскимъ, безъ наслѣдственныхъ владѣній гдѣ либо и безъ всякой военной или другой поддержки со стороны отца, которому въ Кіевѣ было уже не до Новгорода, 16-ти лѣтній Александръ пріобрѣталъ самостоятельность трудную и, въ сторонѣ отъ Владиміра и Кіева, этихъ двухъ узловъ тогдашней русской государственности, предоставлялся средствамъ собственно новгородскимъ. Средства эти, положимъ, были; и Новгородцы, тогда уже богатые, если и видѣли въ Александрѣ сына Ярослава, для нихъ тяжелаго, то видѣли въ немъ также внука Мстислава галичскаго, память котораго была дорога для Новгорода, привыкнувшаго къ тому же считать и самого Александра какъ бы своимъ вскормленикомъ. Совсѣмъ тѣмъ Новгороду, лишенному теперь низоваго подспорья, предстояла неизбѣжная борьба съ его естественными врагами и сосѣдями, Нѣмцами и Литовцами, которые, напротивъ, къ этому времени усилились; Ливонцы слились съ воинственнымъ нѣмецкимъ орденомъ св. Маріи. Шведы окрѣпли побѣдами своего знаменитаго полководца Биргера, а Литовцы, опасные и прежде, въ 1237 г. одержали важную побѣду надъ соединенными силами Ливонцевъ и Псковитянъ [19]). Но еще раньше вступленія въ борьбу съ Нѣмцами и Литвой, Александру пришлось извѣдать всю тягость ожиданія другой борьбы—съ Татарами, роковое имя которыхъ, не слышное со временъ несчастнаго пораженія русскихъ князей на р. Калкѣ, въ 1224 г., уже наполняло снова ужасомъ землю русскую. Свирѣпый Батый, двинувшись отъ степей при-тибетскихъ, вторгнулся въ Европу, испепелилъ Великій городъ, столицу царства болгарскаго на Волгѣ; въ декабрѣ 1237 г. взялъ приступомъ Рязань, при чемъ всю область рязанскую, по выраженію краснорѣчиваго Исторіографа, обратилъ «въ неизмѣримое кладбище» [20]); въ февралѣ 1238 г. разорилъ Владиміръ и истребилъ всѣхъ жителей въ Суздалѣ, а въ мартѣ разбилъ, на р. Сити, св. Юрія II Всеволодовича, великаго князя владимірскаго, тутъ же положившаго свою голову, и быстро шелъ къ предѣламъ новгородскимъ, въ которыхъ, послѣ двухъ недѣльной жестокой осады, овладѣлъ Торжкомъ, откуда приближался уже, Селигерскимъ путемъ, къ самому Новгороду, опустошая все по дорогѣ и «людей сѣкуще аки траву» [21]). Въ Новгородѣ—гдѣ, по сказанію лѣтописца, «койже (каждый) бѣ въ недоумѣніи и страсѣ» [22])—бодрствовалъ Александръ, ожидая помощи—развѣ свыше. Къ счастію его, Татары, храбрые только въ широкой степи да въ чистомъ полѣ, чувствовали себя не совсѣмъ ловко въ дремучихъ лѣсахъ новгородскихъ, а потому, не дойдя всего ста верстъ до Новгорода, отъ такъ называвшагося Креста Игнатова, повернули къ Козельску—событіе, которое, по понятіямъ того времени, объяснено лѣтописцемъ такъ: «Новгородъ же заступи милосердый Богъ, и святый великій отець Кирилъ архіепископъ Александрійскій, и святыхъ правовѣрныхъ архіепископъ Новгородскихъ молитва, и благовѣрныхъ князей русскихъ, и преподобныхъ черноризець и ерѣйскаго (іерейскаго) събора; и они безбожніи въспятишася у Игнача Креста, прогнани святымъ Кириломъ» [23]). Во всякомъ

---

[14]) Тамъ же, с. 47.

[15]) Тѣло князя Ѳедора Ярославича, погребенное первоначально въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ, въ 1614 г. найдено нетлѣннымъ и положено св. мощами въ Рождество-Богородицкомъ придѣлѣ новгородскаго Софійскаго собора.

[16]) Жизнь святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія. Изд. 1853, с. 23.

[17]) Новгородская четвертая лѣтопись, с. 30. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. IV. Изд. 1848.

[18]) «Житіе св. Александра», рукопись Спб. Дух. Акад. № 273.

[19]) Новгородская Четвертая Лѣтопись, с. 35.

[20]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. III, с. 168.

[21]) Новгородская Первая Лѣтопись, с. 52.

[22]) Временникъ (Софійскій), ч. I, с. 246.

[23]) Новгородская первая лѣтопись, с. 52.

случаѣ, страшная гроза татарская пронеслась благополучно надъ головой Александра, уже вполнѣ развивавшагося юноши, внѣшнія и внутреннія достоинства котораго восхищенный лѣтописецъ изображаетъ такъ: «Взрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, и гласъ его акы труба въ народѣ, и лице его аки лице Еосифа (Іосифа Прекраснаго), иже бѣ поставилъ его Египетьскый (египетскій) царь втораго царя въ Египтѣ: сила бѣ его часть отъ силы Самсоня: далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоню, и храбрьство акы царя Римьскаго Еуспасьяна (Веспасіана), иже бѣ плѣнилъ всю подъюдейскую землю» [24]). Въ слѣдующемъ 1239 г., молодой князь новгородскій, свободный пока отъ Татаръ и Нѣмцевъ, вступилъ въ бракъ, который и отпраздновалъ народными пирами въ двухъ городахъ, о чемъ въ лѣтописи сказано: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотьскѣ у Брячьслава дчерь [25]), «вѣнчася въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую» [26]). По этому поводу, одинъ изъ описателей жизни Александра замѣчаетъ, по нашему мнѣнію, излишне, что «Александръ дѣлалъ двойные пиры не изъ любви къ пирамъ, а изъ желанія дѣлиться своею радостію съ народомъ; онъ хотѣлъ—поясняетъ этотъ авторъ,—чтобы народъ былъ его семьею, чтобы его домашняя жизнь имѣла тѣсную связь съ государственною жизнію» [27]). Такихъ, думаемъ мы, немыслимыхъ результатовъ не могъ достигнуть пирами русскій князь удѣльнаго періода,—еслибы даже составители «Житія» Александрова не старались увѣрять насъ, что Александръ «отъ мірскихъ суемудрій отврати себе, душетлѣнныхъ же и богоненавистныхъ игръ и бѣсовскихъ сонмъ до конца возгнушася» [28]).

Женившись, князь Александръ, къ чести его, не предался бездѣйственной нѣгѣ молодаго супруга, но пригласилъ Новгородцевъ рубить «городци» по Шелонѣ [29]), чтобы, съ этой стороны, обезопасить свой край отъ покушеній Нѣмцевъ и Литвы. Александръ понималъ хорошо, что не устоять противъ этихъ покушеній, уже не однажды разбивавшихся о русскія силы, значило бы покрыть себя безславіемъ и, кромѣ того, подвергнуть всю землю новгородскую господству тѣхъ самыхъ Нѣмцевъ, распоряженія которыхъ въ сосѣдней Ливоніи были близко извѣстны Новгороду. «Городци» по Шелонѣ не мѣшали и властолюбію Александрова отца, Ярослава, который, наслѣдовавъ послѣ погибшаго св. Юрія II, брата своего «столъ великокняжескій, уже перебрался изъ Кіева въ разоренный Татарами Владиміръ-на-Клязьмѣ и отсюда не переставалъ оказывать верховное вліяніе на Новгородъ, гдѣ молодой сынъ его очутился почти между двухъ огней, завися, съ одной стороны, отъ непреклонной воли отца, а съ другой—отъ свободной воли Новгородцевъ, подчинявшихся неохотно притязаніямъ великаго князя владимірскаго и всей Руси [30]). Однако Александръ умѣлъ выходить изъ такого затрудненія легко, и руководимый своимъ благоразуміемъ, въ 20-ти лѣтнемъ юношѣ рѣдкимъ, налаживалъ дѣла такъ, чтобъ, по русской пословицѣ, «и волки были сыты и собаки цѣлы». Благоразуміе Александра, вмѣстѣ со всею представительною внѣшностью князя новгородскаго, возбуждало похвалы не только Русскихъ, но и чужеземцевъ, изъ которыхъ, напр., Андрей Вельвенъ, магистръ ливонскихъ рыцарей, въ 1240 г. посѣтившій Новгородъ для переговоровъ о мирѣ, до того восхитился личностью Александра, что, по возвращеніи домой, говорилъ своимъ Меченосцамъ: «Прошедъ страны и языки, не видахъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя» [31]). Но такая молва объ Александрѣ не остановила намѣреній Биргера, знаменитаго ярла шведскаго, который, изъ видовъ на престолъ Эрика XI Эриксона Косноязычнаго, короля шведскаго, своего зятя, не имѣвшаго дѣтей, старался всячески заслужить доброе расположеніе Шведовъ, искалъ случая отличиться въ особенности какимъ нибудь великимъ подвигомъ, и пользуясь буллой папы Григорія IX, возвѣщавшей, еще въ 1237 г., крестовый походъ противъ язычниковъ Тавастландцевъ (въ Финляндіи) и схизматиковъ Русскихъ, ревновалъ не только овладѣть всей новгородской землей, но самого князя ея *взять руками* [32]). Съ этой цѣлью, Биргеръ собралъ нѣсколько тысячь Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ, посадилъ ихъ на суда, вошелъ съ ними въ Неву, тогда еще пустынную и, ставъ въ устьяхъ Ижеры, послалъ сказать князю новгородскому: «аще можеши противитися, то се есмь уже здѣ и плѣню землю твою» [33]). Извѣщенный объ опасности, князь Александръ, по свидѣтельству лѣтописца, спѣшилъ напутствоваться молитвой въ церкви Св. Софіи, произнесъ тамъ слова Псалмопѣвца: «суди, Господи, обидящимъ мя, възбрани борющимся со мною, пріими оружье и щитъ, стани въ

[24]) Лаврент. Лѣтоп. с. 204.

[25]) *Александру*, въ иночествѣ, быть можетъ, Вассу.—Введенный въ недоразумѣніе этимъ именемъ, изсѣченнымъ надъ гробомъ жены Александровой, *дочери князя полоцкаго*, во владимірскомъ Княгининѣ монастырѣ, Исторіографъ нашъ ошибается, считая Вассу *второю* женою Александра (Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 58 и прим. 110). Могъ и каменосѣчецъ, дѣлавшій надгробную надпись, спутать имена: *Василиссы*, жены Андрея, сына Александрова, и *Вассы*, инокини, бывшей жены самого Александра.

[26]) Новгородская первая лѣтопись, с. 52.

[27]) Бѣляевъ: Великій князь Александръ Ярославичъ Невскій. Временникъ Имп. Общ. Ист. и древн. Рос. 1849. № 4. Отд. I. с. 4—5.

[28]) «Житіе св. Александра», рукопись Спб. Дух. Акад. № 273.

[29]) Новгор. первая Лѣтоп., с. 52.

[30]) Бѣляевъ: Вел. Кн. Александръ Невскій, с. 2.

[31]) Новгор. четвертая Лѣтоп., с. 35.

[32]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 24. — «Биргеръ ярлъ», статья въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1845. т. I. От. II, с. 3—6.

[33]) Новгор. Четвертая Лѣтоп. с. 35.

помощь мнѣ», потомъ благословился у архіепископа Спиридона, и, сказавъ немногочисленной дружинѣ своей: «не въ силахъ Богъ, но въправдѣ»! немедленно выступилъ изъ Новгорода. «Жалостно же и слышати, добавляетъ лѣтописецъ, яко отецъ его, честный Ярославъ великій, не бѣ вѣдалъ такого встанья на сына своего Олександра, ни оному быстъ послати когда вѣсть къ отцю, еже бо ратніи приближишася; тѣмже многи Новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь пойти» [34]). 15 Іюля 1240 г. Александръ прибылъ на берега Невы—и тутъ, если вѣрить сказанію лѣтописца (внесенному однако не во всѣ списки), нѣкто Пелгусій, въ св. крещеніи Филиппъ, старѣйшина земли ижерской и начальникъ мѣстной морской стражи, встрѣтилъ князя донесеніемъ такого содержанія: «Стоящю ему (доносителю) при краи моря, стрегущю обою пути, и пребысть всю нощь въ бдѣніи; яко же нача въсходити солнце, и услыша шюмъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ единъ гребущъ, посреди насада стоящи Бориса и Глѣба [35]) въ одежахъ червленыхъ, и бѣста руки держаще на рамѣхъ (плечахъ), гребци же сѣдяща аки въ молнію [36]) одѣны; и рече Борисъ: «брате Глѣбе! вели гресть, да поможемъ сроднику своему Александру» [37]). Того же 15 Іюля, въ 6 часу дня, началась знаменитая битва Невская и продолжалось до ночи: противники жестоко сѣклись мечами, схватывались руками, не щадили другъ друга, самонадѣянный Биргеръ единоборствовалъ съ самимъ Александромъ, который, по выраженію лѣтописи, «Бергелю (Биргеру) възложи печать на лице острымъ копіемъ своимъ» [38]). Изъ сподвижниковъ Александра отличались въ особенности шестеро. Первый, Гаврило Олексичъ, наѣхалъ на шнеку и видя, что Биргера поднимаютъ на неё подъ руки, по доскѣ, взъѣхалъ на ту же доску и, сброшеный съ конемъ въ море, опять взобрался на шнеку, вступилъ тутъ въ бой съ самимъ воеводой и бился такъ крѣпко, что убилъ и воеводу (Спиродона) [39]) и епископа. Другой, Сбыславъ Якуновичъ, Новгородецъ, много разъ въѣзжалъ въ самыя густы толпы враговъ, съ однимъ только топоромъ, и такъ безстрашно разсѣкалъ ихъ, что всѣ дивились его силѣ и храбрости. Третій, Яковъ Полочанинъ, ловчій князя, одинъ, съ своимъ мечемъ, ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей, и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что самъ князь похвалилъ его. Четвертый, Новгородецъ, именемъ Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій, бросился въ море и погубилъ три судна непріятельскія. Пятый, нѣкто Сава, одинъ изъ младшихъ воиновъ, наѣхалъ на большой златоверхій шатеръ Биргеровъ и, подсѣкши столпъ, уронилъ его, чѣмъ возвѣстилъ полкамъ Александровымъ побѣду. Шестый, Ратмиръ, слуга Александровъ, воитель мужественный, бился пѣшій и погибъ отъ ранъ, врубившись въ толпу Шведовъ. «Си же вся—удостовѣряетъ лѣтописецъ—слышахъ отъ господина своего великаго князя Олександра и отъ инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи» [40]). Къ ночи участь битвы была рѣшена: Биргеръ, съ остатками разбитыхъ полковъ своихъ, бѣжалъ, едва успѣвъ нагрузить два судна трупами и побросать остальные въ огромную яму, вырытую на берегу Невы. «Быстъ же тогда чюдо, заключаютъ разсказъ свой лѣтописцы: егда побѣди Александръ корабли, а обонполъ (на томъ берегу) рѣки Ижеры, идѣже не бѣ проходно полку Александрову, гдѣ обрѣтошася множество мертвыхъ, избіеныхъ отъ ангелъ Божіихъ» [41]). Весело встрѣтили Новгородцы своего князя, возвратившагося съ Невы невредимымъ,—и вся Русская земля, только что оплакавшая разореніе Батыемъ «матери градовъ русскихъ», Кіева, громко радовалась славной побѣдѣ Александра, за которую она нарекла его единодушно *Невскимъ*, самый же фактъ подвига на Невѣ, вовсе не думая различать въ сказаніяхъ о немъ дѣйствительное отъ чудеснаго, занесла благодарно въ свои сердца и скрижали.

Совсѣмъ тѣмъ, герой Невскій, едва успѣвъ возвратиться въ Новгородъ, испыталъ непріятности, очевидность которыхъ явствуетъ изъ слѣдующаго сказанія лѣтописцевъ: «той же зимы (1240), выиде князь Олександръ изъ Новгорода къ отцю въ Переяславль, съ матерью и съ женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, «роспрѣвъся съ Новгородци» [42]). О причинахъ этой распри—лѣтописи молчатъ. Но составители «Житія» Александрова, сказавъ, что Новгородцы «распрѣніе нѣкое показаша», продолжаютъ—по обычаю своему, голословно: «возропташа на св. великаго князя Александра Невскаго, крамолящe, молву составляюще не малу въ людехъ» [43]); а одинъ изъ жизнеописателей Александра даже поясняетъ, что Александръ «тогда хотѣлъ, для лучшаго устройства или и для нуждъ общественныхъ, излишнія жителей пожни (сѣнные покосы) обратить на государя; но изъ того въ народѣ, сегодни (sic) его обожавшемъ, на утріе начался ропотъ и негодованіе [44]). Какъ бы то ни было, герой Невскій, оставивъ Новгородъ послѣ 10-ти лѣтняго въ немъ пребыванія [45]), не сидѣлъ

[34]) Лаврент. Лѣтоп., с. 205.

[35]) До этаго въ лѣтописи сказано, что Пелгусій «имѣя вѣру велику къ святымъ Борису и Глѣбу».

[36]) Въ другой лѣтописи, Лаврентьевской, сказано: «аки мглою».

[37]) Новгор. Четвертая Лѣтоп. с. 35.

[38]) Тамъ же.

[39]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 53.

[40]) Лаврент. Лѣтоп. с. 206.

[41]) Новгор. Четвертая Лѣтоп. с. 36.

[42]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 53.

[43]) «Житіе св. Александра», рукоп. Спб. Дух. Акад. № 273.

[44]) Туманскій: Созерцаніе славныя жизни святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Изд. 1789. с. 13.

[45]) Замѣчательно, что до Александра, въ продолженіе почти ста лѣтъ, ни одинъ князь не выживалъ въ Новгородѣ больше 5-ти лѣтъ къ ряду.

на родинѣ праздно, но занялся построеніемъ въ Суздалѣ монастыря Александровскаго, первая церковь котораго, деревянная, была посвящена имъ своему Ангелу, св. мученику Александру Персскому [46]). Между тѣмъ, Нѣмцы, уже обладатели Изборска, разбившіе Псковичей, свѣдавъ объ отъѣздѣ изъ Новгорода побѣдителя на Невѣ, заняли Водьскую пятину, срубили городокъ въ копорскомъ погостѣ, взяли Тесовъ [47]), разсыпались по р. Лугѣ до погоста Сабѣльскаго и грабили гостей новгородскихъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Видя, что дѣло плохо, Новгородцы, не умѣвшіе отбиваться одни, просили себѣ князя у Ярослава II и получили сына его, Андрея Ярославича. Но землѣ новгородской нуженъ былъ не Андрей. «Тогда же—повѣствуетъ лѣтописецъ—сдумавше Новгородци, послаша владыку (архіепископа Спиридона) съ мужи опять по Олександра; а на волость новгородьскую наидоша Литва, Нѣмци, Чюдь, и поимаша по Лугѣ вси кони и скотъ, и нелзѣ бяше орати (пахать) по селамъ и нечимъ». Ярославъ отпустилъ Александра, который прибылъ въ Новгородъ съ наступленіемъ 1241 г.— «и ради быша Новгородци» добавляетъ лѣтописецъ [48]). Собравъ подъ свои знамена, кромѣ новгородскихъ полковъ, еще Ладожанъ, Корелянъ и Ижерцевъ, Александръ пошелъ прямо на Нѣмцевъ, взялъ Копорье, перевѣшалъ возмутившихся и измѣнившихъ Чудиновъ и Вожанъ, и, съ большимъ нѣмецкимъ полономъ, возвратился въ Новгородъ, гдѣ, по сказанію одной лѣтописи, также повѣсилъ бунтовщиковъ [49]),—въ чемъ, однако можно усомниться, если вѣрить другому лѣтописцу, что герой Невскій «бѣ милостивъ паче мѣры» [50]). Въ 1242 г., Александръ, какъ видно изъ двухъ лѣтописей [51]), съѣздилъ, по приказанію отца, въ волжское становище Татаръ, на поклонъ къ Батыю, а возвратившись оттуда, выпросилъ у отца его суздальскіе полки и съ ними спѣшилъ въ Новгородъ, давшій знать, что Псковъ уже занятъ Нѣмцами и въ немъ сидятъ нѣмецкіе тіуны. Быстро овладѣвъ Псковомъ, при храброй защитѣ котораго 70 ливонскихъ рыцарей сложили головы, Александръ отправилъ нѣмецкихъ тіуновъ, закованными, въ Новгородъ, а самъ пошелъ впередъ, на встрѣчу Нѣмцамъ, уже двигавшимся выручать своихъ. Передовой отрядъ Александра, при защитѣ одного моста, былъ разбитъ, и Нѣмцы, ободренные этимъ успѣхомъ, начали напирать сильнѣе и тѣснили головные полки Русскихъ. Александръ подался назадъ, къ Чудскому озеру; но, видя, что Нѣмцы продолжаютъ наступленіе всѣми силами, рѣшился принять сраженіе,—остановилъ свои полки и устроилъ ихъ на самомъ льду озера, около урочищъ Узменя и Воронья камня. Тутъ, 5 Апрѣля 1242 г., произошелъ знаменитый бой, слывущій въ нашихъ лѣтописяхъ *Ледовымъ*. Онъ начался, при восходѣ солнца, натискомъ Нѣмцовъ и Чуди, которые, построившись въ боевой порядокъ, называвшійся *свиньею*, врѣзались въ полки Александровы и прошли ихъ на сквозь. Но способъ дѣйствія свиньею, выгодный и рѣшительный противъ войскъ малодушныхъ и нестойкихъ, въ настоящемъ случаѣ, не имѣлъ никакого успѣха и только усилилъ жестокость съ обѣихъ сторонъ. Гордые рыцари, закованные въ крѣпкія брони, хотя и прошли сквозь густые полки Александровы, но далеко не всѣ, потому что мечи и топоры русскіе уложили многихъ на этомъ кровавомъ пути. Остальные же, съ ужасомъ видя передъ собою, вмѣсто ожидаемаго растройства, живую стѣну замкнутыхъ рядовъ, сверкающихъ оружіемъ, на которомъ дымилась еще нѣмецкая кровь,—упали духомъ. Тогда герой Невскій началъ свое дѣло: быстро ринулся, онъ, съ запасными полками, на оторопѣлыхъ бойцовъ смялъ ихъ, сѣкъ и гналъ по льду, который алѣлъ кровью: 500 рыцарей пали въ бою, 50 взяты въ плѣнъ, чудскими же трупами покрылось пространство на 7 верстъ, вплоть до Суболичскаго берега. По свидѣтельству очевидцевъ, озеро колыхалось подъ сражающимися и стонало отъ треска ломающихся копій и звяка сѣкущихся мечей. Уже позднимъ вечеромъ кончился этотъ ледовой бой, который, приведя въ ужасъ всю Ливонію, осѣнилъ побѣдителя новой славой. Съ этого времени, замѣчаютъ наши лѣтописцы, «имя великаго князя Александра нача слыти по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжскаго (Балтійскаго) и до моря Понтьскаго (Чернаго) и до моря Хупожскаго [52]) и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратьскихъ, обону страну моря Варяжскаго и до Великаго Риму» [53]). Ближайшимъ же слѣдствіемъ ледовой побѣды Александра была покорность побѣжденныхъ: «того же лѣта (1242) присланна Нѣмци съ челобитіемъ: «что есмя зашли мечемъ, того ся отступаемъ» [54]). Но посольство это уже не застало побѣдителя въ Новгородѣ, потому что Александръ, угомонивъ Нѣмцевъ, началъ немедленно и произвелъ, въ томъ же 1242 г., рядъ набѣговъ на Литву, подробности которыхъ намъ неизвѣстны, за исключеніемъ слѣдующей замѣтки въ лѣтописной «*Повѣсти о житіи и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра:*

[46]) Амвросій, епиок. пензен.: Исторія Россійской Іерархіи. Изд. 1807 — 1815. ч. VI, с. 941 — 942.

[47]) По Карамзину—городокъ на границѣ Эстоніи (Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 19). — По Арцыбашеву—село въ нынѣшнемъ новгородскомъ уѣздѣ (Повѣствованіе о Россіи. Изд. 1838. т. I, прим. 2180).

[48]) Новгор. Первая Лѣтоп., с. 53.

[49]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 30.

[50]) Псковская Вторая Лѣтопись. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. Изд. 1851, т. V., с. 4.

[51]) Новгор. Четвертая Лѣтопись, с. 37—Псковская Первая Лѣтоп. с. 179.

[52]) Въ другихъ спискахъ *Хонужьскаго*. Это быть можетъ, *Хвалынское* море, нынче Каспійское.

[53]) Псковская Вторая Лѣтопись, с. 4.

[54]) Новгор. Четвертая Лѣтопись, с. 37.

«Въ то же время [55]) умножися языка Литовьскаго, и начаша пакостити волости Александровѣ; онъ же выѣздя и избиваше я. Единою ключися ему выѣхати, и побѣди 7 ратій единѣмъ выѣздомъ, и множество князей ихъ изби, а овѣхъ рукама изыма, слуги же его, ругающеся, вязахуть ихъ къ хвостомъ коней своихъ; и начаша оттолѣ блюстися имени его» [56]).

Оградивъ славными побѣдами спокойствіе земли новгородской, Александръ отдыхалъ въ Новгородѣ весь 1243 г. и тутъ похоронилъ, въ Юрьевѣ монастырѣ, мать свою, княгиню Ростиславу-Ѳеодосію, умершую въ иночествѣ, съ именемъ Евфросиніи, 5 Мая 1244 г. [57]). Но въ слѣдующемъ 1245 г., дерзость Литвы, явившейся грабить окрестности Бѣжецка и Торжка, а потомъ засѣвшей, съ полономъ и добычей, въ Торопцѣ, вызвала героя Невскаго снова на битвы. Прибывъ, съ дружиной и полками новгородскими, къ Торопцу, Александръ, въ тотъ же день, взялъ городъ, отнялъ у Литвы весь полонъ и посѣкъ однихъ князей литовскихъ 8. Успѣхъ этотъ настолько удовлетворилъ Новгородцевъ, что они, вопреки настояніямъ Александра, пошли отъ Торопца домой. Но герой Невскій, пользуясь, какъ военачальникъ опытный, удобствомъ момента, съ одной своей дружиной ударилъ въ погоню за Литвой, настигъ и добилъ её у озера Жизца [58]), проѣхалъ въ Витебскъ за сыномъ своимъ [59]) (вѣроятно, гостившимъ у дѣда) и, на обратномъ пути къ Новгороду, встрѣтилъ нечаянно, подъ Усвятомъ [60]), другую рать литовскую, которую онъ разбилъ тутъ же, какъ и первую, на голову [61]). Встрѣченный упрямыми Новгородцами съ честію, Александръ оставался у нихъ до осени 1246 г., когда вѣсть о «нужной» смерти вел. кн. Ярослава II, послѣдовавшей 30 Сентября, на обратномъ пути изъ орды,—потребовала присутствія Александра въ землѣ суздальской. Похоронивъ отца во Владимірѣ, Александръ принялъ отъ новаго великаго князя Святослава III Всеволодовича, дяди своего, удѣлъ переславль-залѣсскій и возвратился въ Новгородъ, между тѣмъ какъ Андрей, братъ Александровъ, отправился въ Орду интриговать противъ дяди. На этотъ разъ однако, пребываніе Александра въ Новгородѣ не было продолжительно: въ 1247 г. онъ получилъ приказаніе Батыя явиться въ Орду, о чемъ лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Нѣкто царь со восточныя страны силенъ и присла послы своя къ великому князю Александру, а ркучи тако: «мнѣ покорилъ Богъ многи языки, ты ли единъ не хощеши покоритися державѣ моей? но аще хощеши соблюсти нынѣ землю свою, пріиди ко мнѣ, узриши честь и славу царства моего». Герой Невскій благоразумно повиновался, поѣхалъ во Владиміръ, принялъ тамъ благословеніе митрополита Кирилла и отправился далѣе. «Пройде же вѣсть—продолжаетъ лѣтописецъ—и до устія Волгы, и начаша жены Моавитьскія полошати (стращать) дѣти своя, а ркучи: «молчи, великій князь Александръ ѣдеть»... И пріиде (Александръ) ко царю; видѣ же его царь Батый, и подивися, и рече вельможамъ своимъ: «воистинну повѣдоша, яко нѣсть подобна сему князю»; и почти его царь многими дары» [62]). Чтобы дать понятіе о домашней обстановкѣ царя, которому ѣхалъ кланяться Александръ,—вотъ выдержка изъ путевыхъ записокъ Іоанна Плано-Карпина, римскаго монаха и посла папскаго, посѣщавшаго волжскую орду ровно за годъ до поѣздки туда Александра: «Самъ Батый живетъ на берегу Волги, имѣя пышный, великолѣпный дворъ, и 600,000 воиновъ, 160,000 Татаръ и 450,000 иноплеменниковъ, христіанъ и другихъ подданныхъ.... Провели насъ въ ставку его между двумя огнями, для того, какъ говорили Татары, что огонь есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго полотна, принадлежалъ королю венгерскому [63]): никто не смѣетъ входить туда безъ особеннаго дозволенія, кромѣ семейства ханскаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ письма.... переведенныя на.... татарскій. Между тѣмъ, онъ и вельможи его пили изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями» [64]). Но лѣтописецъ нашъ, сказавъ, въ повѣствованіи о Батыевомъ пріемѣ Александру: «и почти его царь многими дары», заключаетъ, вѣроятно, для сокращенія: «и отпусти съ великою честію на Русь» [65]). Отпускъ этотъ могъ произойти только по возвращеніи изъ Великой Татаріи, съ береговъ Амура, отъ Великаго Хана, къ которому, а не въ Русь, отправлялъ Батый почти всѣхъ русскихъ князей, пріѣзжавшихъ къ нему, на Волгу. Туда же предложилъ

[55]) Мѣсто это слѣдуетъ непосредственно за разсказомъ о ледовомъ побоищѣ.

[56]) Псков. Вторая Лѣтоп. с. 4.

[57]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 54.

[58]) По лѣтописи: *Зижьче*. Озеро это въ торопецкомъ уѣздѣ псковской губерніи.

[59]) Въ это время у Александра былъ только одинъ сынъ, Василій († 1271). — А дѣдъ Василія по матери былъ Брячиславъ, князь полоцкій и витебскій.

[60]) Мѣстечко, при озерѣ Усвятѣ, въ суражскомъ уѣздѣ витебской губерніи.

[61]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 54.

[62]) Софійская Первая Лѣтопись. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. Изд. 1851. т. V, с. 186.

[63]) Именно Белѣ IV, владѣнія котораго опустошены Батыемъ послѣ разоренія Кіева, въ 1240 г.

[64]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 28.

[65]) Софійск. Первая Лѣтопись, с. 186.

онъ ѣхать и монаху Плано-Карпини, послалъ и Александра, съ его братомъ Андреемъ. «Сіи путешествія—пишетъ Исторіографъ нашъ—были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ, раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убранствъ и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ. Можетъ быть, въ самой глубокой древности, ходили тамъ карованы купеческіе; Скиѳы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ, въ надеждѣ обогатиться золотомъ. Но что ожидало князей Россійскихъ въ Татаріи? Уничиженіе и горесть»[66]). Именно въ 1248 г., когда ѣздили въ Великую Татарію князья Андрей и Александръ Ярославичи, Великимъ Ханомъ былъ Гаюка, сынъ Огтаевъ, личность и обстановку котораго тотъ же Плано-Карпини описываетъ такъ: «Гаюка имѣетъ отъ роду (въ 1246 г.) 40 или 45 лѣтъ, росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и столь важенъ, что никогда не смѣется. Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что онъ думаетъ принять вѣру Спасителеву, ибо держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно, передъ своимъ шатромъ, отправлять божественную службу по обрядамъ греческой церкви. Сей императоръ говоритъ съ иностранцами только черезъ переводчиковъ, и всякой, кто подходитъ къ нему, долженъ стать на колѣна. У него есть гражданскіе чиновники и секретари, но нѣтъ стряпчихъ, ибо Моголы не терпятъ ябеды и слово Ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ государь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ возражать или просить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ, пылая славолюбіемъ, готовъ цѣлый міръ обратить въ пепелъ. Смерть Октаева удержала Моголовъ въ ихъ стремленіи сокрушить Европу... ибо Моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть вселенною. Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, какъ и другихъ пословъ. Секретарь его сказывалъ ему имя каждаго; однакожъ немногіе изъ нихъ были впущены въ ставку императорскую. Дары, поднесенные ими Хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ (sic) и лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами, мы замѣтили одинъ зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пяти сотъ телѣгъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ, шелковыми одеждами, что все было отдано Хану, князьямъ и вельможамъ, которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновникомъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли.... Откланявшись Гаюку и матери его[67]), которая дала намъ по шубѣ лисьей и по красному кафтану, мы отправились въ обратный путь[68]). То же самое сдѣлали, въ свое время, и братья-князья Ярославичи, поѣздка которыхъ въ Великую Татарію и обратно, ознаменованная пожалованіемъ отъ Великаго Хана Александру права на всю южную Русь съ Кіевомъ, продолжалась около двухъ лѣтъ, при чемъ посѣщеніе Александромъ Батыя, въ этотъ разъ, вопреки мнѣнію Исторіографа[69]), было уже *второе*, а не *первое*, на что указываетъ ясно и одинъ изъ лѣтописцевъ, говоря подъ 1246 г.[70]). «Ѣзди Александръ *другое* (въ другой разъ) къ Батыю»[71]).

Возвратившись въ отечество, Александръ оставался нѣкоторое время на своей родинѣ, въ землѣ суздальской, гдѣ, подъ однимъ и тѣмъ же 1249 г., встрѣчаемъ его въ двухъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ: «Тое же зимы Володимеръ князь Константиновичь[72]) преставися въ Володимери... Плакася надъ нимъ Олександръ князь и съ братьею много, и проводи и честно изъ золотыхъ воротъ, и везоша и въ Углече поле.... Тое же зимы Василій князь Константиновичь[73]) преставися въ Володимери.... И повезоша и на Ярославль, и Олександръ князь проводи и»[74]). Проѣзжалъ ли Александръ изъ земли суздальской, какъ полагаютъ нѣкоторые[75]), взглянуть на новопожалованную ему южную Русь и Кіевъ, управляемый тогда чиновниками Батыевыми[76]), онъ только въ 1250 г. прибылъ въ Новгородъ, гдѣ ждали его давно съ большимъ нетерпѣніемъ: «Пріѣха князь Олександръ изъ Орды — отмѣчаетъ лѣтописецъ подъ 1250 г. — и бысть радость велика въ Новгородѣ»[77]). Должно быть, къ этому же времени и мѣсту относится лѣтописно-извѣстное появленіе на Руси римскихъ кардиналовъ Гальда и Гемонта, имѣвшихъ порученіе сказать, отъ имени Папы Иннокентія IV, князю Александру: «Тако молвитъ Папа нашъ: слышахомъ тя, княже, честна и дивна, и велика земля твоя; сего ради прислахомъ ти отъ двою надесять кардиналу два хытрѣйша, да послушаеши ученія нашего». На что герой Невскій доблестно отвѣтствовалъ: Слышите, посланницы папежстіи и прелестницы преокаянніи! Отъ Адама и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языкъ, и отъ раздѣ-

[66]) Карамзинъ: Ист. Гос. Росс. т. IV, с. 42.

[67]) Имя этой ханьши—Туракань.

[68]) Карамзинъ: Ист. Гос. Росс. т. IV, с. 30—32.

[69]) Тамъ же, примѣч. 34.

[70]) Тогдашній годъ начинался съ *марта*, такъ что январскія и февральскія событія каждаго года должно относить къ году предыдущему.

[71]) Новгор. Четвертая лѣтопись, с. 37.

[72]) Сынъ вел. кн. Константина Всеволодовича, двоюродный братъ Александра Невскаго.

[73]) См. предыдущее примѣчаніе. Также.

[74]) Лаврент. Лѣтоп., с. 202.

[75]) Бѣляевъ: Вел. кн. Алекс. Яросл. Невскій, с. 16.

[76]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 43.

[77]) Новгор. Первая Лѣтоп., с. 54.

ленія языкъ до начала Авраамля, а отъ Авраама до пронтія сквозѣ Черное море, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вшествія и до царствія Великаго Константина и до перваго Собора и до седмаго Собора—сія вся свѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не принимаемъ». «Они же—досказываетъ лѣтописецъ—възвратишася въ своясн»[78]). И, конечно, не безъ связи съ этимъ нашествіемъ кардиналовъ былъ пріѣздъ къ Александру въ Новгородъ, въ слѣдующемъ же 1251 г., двухъ Кирилловъ, митрополита владимірскаго и епископа ростовскаго, по отбытіи которыхъ—или и въ присутствіи ихъ—«бысть болѣзнь тяжка князю Олександру, но Богъ помилова и»[79]). По миновaніи опасности, Александръ отправилъ пословъ къ Гакону, королю норвежскому, съ требованіемъ запрещенія Финляндцамъ грабить Лопь и Корелію, области новгородскія, и съ заявленіемъ желанія женить сына своего, Василія на Христинѣ, дочери Гаконовой. Король норвежскій отвѣчалъ Александру своимъ посольствомъ, которое, заключивъ миръ въ Новгородѣ, объявило согласіе Гакона на бракъ королевны. Но Александръ долженъ былъ уже спѣшить въ Орду, по дѣламъ владимірскимъ.

Тамъ, во Владимірѣ, столъ великокняжескій занималъ Андрей, братъ Александровъ, ссадившій интригами дядю своего Святослава III, который за то, пресмыкаясь въ Ордѣ, строилъ козни племяннику. Козни эти, вѣроятно, удались, потому что Сартакъ, сынъ Батыевъ, правившій Ордой за своего устарѣвшаго отца, лѣтомъ 1252 г. послалъ въ землю суздальскую сильную рать Татаръ, подъ начальствомъ трехъ воеводъ: Неврюя, Олабуги, слывшаго Храбрымъ, и Котья. Тогда-то, свѣдавъ о выступленіи этихъ воеводъ изъ Орды, герой Невскій поспѣшилъ въ Орду и, пока Татары, обрадованные случаемъ пограбить, пустошили землю суздальскую, молилъ Сартака измѣнить гнѣвъ на милость. Заступничество героя Невскаго достигло цѣли: Сартакъ не только внялъ Александру, но отпустилъ его «съ честью великою, давше ему старѣйшиньство во всей братьи его»[80]), то есть—ярлыкъ на великокняженіе владимірское, гдѣ, кстати сказать, не было уже Андрея, который, чуя грозу татарскую, «сдума съ своими бояры бѣгати, нежели царемъ служити, и побѣжа на невѣдому землю, со княгынею своею и бояры своими»[81]). Прямо изъ орды, Александръ пріѣхалъ во Владиміръ, и, встрѣченный съ любовію у воротъ столицы митрополитомъ Кирилломъ, духовенствомъ, тысячкимъ Романомъ Милайловичемъ, боярами и гражданами, занялъ торжественно столъ великокняжескій. Столъ этотъ, со времени Андрея Боголюбскаго († 1174 г.)[82]), не видалъ на себѣ такого великаго князя, дѣйствительно, *всей Руси*, какимъ былъ теперь Александръ-Невскій, облеченный, въ силу ханскаго пожалованія, правами на южную Русь съ Кіевомъ и имѣвшій за себя въ Новгородѣ своего сына, Василія, тогда же объявленнаго княземъ новгородскимъ. Вся разница между великими князьями Боголюбскимъ и Невскимъ, сопричтенными православною церковью одинаково къ лику святыхъ, состоитъ въ томъ, что Боголюбскій, исполненный властолюбія, бралъ и Кіевъ и Новгородъ приступомъ, не жалѣя русской крови для своихъ личныхъ цѣлей; Невскій же «страдалецъ» за русскую землю, предоставляя князьямъ Галича южнаго титуловаться спокойно и кіевскими, спасалъ Новгородъ не однажды и жертвовалъ русской кровью только на защиту родной земли.

Въ званіи великокняжескомъ, первоначальная дѣятельность Александра Невскаго, оставшагося на житье въ стольномъ Владимірѣ, была посвящена родному его Переславлю, который, послѣ приступа къ нему татарскихъ полчищъ Неврюя съ товарищи, лежалъ въ развалинахъ и, разумѣется, требовалъ сострадательнаго участія. «По плѣненіи же Неврюевѣ, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, великій князь Александръ церкви воздвигнувъ и градъ людій исполнивъ, разбѣгшаася люди собра въ домы своя»[83]). Тогда же, надо думать, особенно широко пролагалась къ дѣлу еще одна черта души Александра, выражавшаяся тѣмъ, что герой Невскій, по объясненію лѣтописца, «не остави пути отца своего (Ярослава II), посылая ко царю въ орду за люди своя, иже плѣнени быша отъ безбожныхъ Татаръ, и много злата и сребра издавая на плѣникѣхъ, и скупая отъ безбожныхъ Татаръ, избавляя ихъ отъ бѣдъ и напастій»[84]). На столько милостивый къ подданнымъ, Александръ, естественно долженъ былъ относиться еще теплѣе къ родичамъ—и доказалъ это, пріютивъ мирно въ Суздалѣ брата своего, бездомовнаго Андрея, выбѣжавшаго отъ Шведовъ въ томъ же 1253 г., когда Василій, сынъ Александра, жестокимъ пораженіемъ, у Торопца, наказалъ Литовцевъ за грабежъ окраинъ земли новгородской, а опустошеніемъ Наровы отмстилъ вѣроломнымъ Нѣмцамъ за ихъ покушеніе на Псковъ. Благодаря всему этому, наступившій 1254 г. прошелъ до конца такъ безмятежно и благополучно, что лѣтописецъ сдѣлалъ о немъ только одну, но весьма выразительную отмѣтку: «Добро бяше хрестьянамъ»[85]). Да и событія 1255 г., повидимому, нарушившія общее спокойствіе

[78]) Софійск. Первая Лѣтоп., с. 187.—Времянникъ (Софійскій) ч. I, с. 268.—Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 43 и прим. 85.

[79]) Лаврент. Лѣтоп. с. 202.

[80]) Тамъ же.

[81]) Тамъ же.

[82]) См. выше статью нашу объ этомъ князѣ.

[83]) Софійск. Первая Лѣтоп. с. 187.

[84]) Тамъ же, с. 186.

[85]) Новгор. Первая Лтоп. с. 55.

Руси, представляютъ только въ истинномъ свѣтѣ личность Невскаго и значеніе, какимъ она тогда пользовалась. Въ этомъ 1255 г., вольнолюбивые Новгородцы, преслѣдуя всячески свою любимую мечту: выдѣлиться изъ федераціи, уже замѣтно сплочивавшей всю сѣверную Русь въ одно крѣпкое цѣлое, прогнали Василія, сына Александрова, который и ушелъ въ Торжокъ, а къ себѣ пригласили Ярослава, меньшаго брата Александрова, оставившаго почему-то свою Тверь. «Но Александръ—говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ—поднялъ на нихъ рать не какъ старѣйшій князь за обиду подручника-князя, какъ бывало дѣлали прежде суздальскіе князья, а какъ лицо, сознававшее собственно за собою достоинство Новгородскаго правителя»[86]). Пройдя Торжокъ, гдѣ еще держался Василій, Александръ подступилъ къ Новгороду, гдѣ уже не было Ярослава, и послалъ на вѣче сказать: «выдаите ми Онанью посадника: или не выдадите, язъ вамъ не князь, иду на городъ ратью». Вѣче, устами своихъ пословъ, владыки Далмата и тысячьскаго Клима, отвѣтствовало Александру: «поѣди, княже, на свои столъ, а злодѣевъ не слушаи, а Онаньи гнѣва отдаи и всѣмъ мужемъ Новгородьскымъ». Однако герой Невскій «гнѣва не отдавалъ», чѣмъ самымъ заставилъ Новгородцевъ, по крайней мѣрѣ, благоразумнѣйшихъ, одуматься и говорить вѣчу: аже, братья, князь нашь тако сдумалъ съ нашими крестопереступникы, оно *имъ* богъ и святая Софья, *а князь безъ грѣха*». Три дня полки суздальскіе и новгородскіе стояли другъ противъ друга, на готовѣ къ бою; но въ четвертый день, Александръ уступилъ великодушно первый, пославъ—вмѣсто прежняго требованія *выдачи* посадника—сказать Новгородцамъ: «аже Онанья лишится посадничьства, язъ вамъ гнѣва отдамъ». «И лишися посадничества Онанья, досказываетъ сочувственно лѣтописецъ, и взяша миръ на всей воли новгородской, и поиде князь въ городъ, и срѣте й архіепископъ Далматъ со всѣмъ іерейскымъ чиномъ, съ кресты... и вся радости исполнишася, а злодѣи омрачишася; зане хрестьяномъ радость, а дьяволу пагуба, *яко не бысть хрестьяномъ кровопролитія велика*, и сѣде князь Александръ на своемъ столѣ»[87]). Такимъ образомъ, человѣколюбіе или, какъ называютъ теперь, гуманность—является преимущественно душою тѣхъ, по нынѣшнему, административныхъ мѣръ, которыми Александръ Невскій, слишкомъ шесть вѣковъ назадъ, обезоруживалъ недовольныхъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, достигалъ государственныхъ цѣлей. Если же онъ, какъ увидимъ ниже, отступалъ изрѣдка отъ правилъ человѣчности, то—что сказать о тѣхъ властителяхъ русскихъ, которые къ такимъ правиламъ и не приступали?...

[86]) Костомаровъ: Сѣвернорусскія народоправства, т. I, с. 105—106.

[87]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 55—56.

Утвердивъ князя Василія по прежнему въ Новгородѣ, Александръ Невскій съ спокойной совѣстью возвратился во Владиміръ и отправился немедленно, со всѣми князьями, въ Городецъ и Нижній Новгородъ, какъ думаютъ, для переговоровъ съ татарскими чиновниками о порядкѣ исчисленія народа въ русской землѣ, исчисленія, предпринимавшагося тогда Татарами для болѣе правильной раскладки дани[88]), въ самую же орду были посланы дары вельможѣ Улавчію, завѣдывавшему дѣлами русскихъ княжествъ. Но политикъ благоразумный относительно Татаръ, герой Невскій не переставалъ еще быть грозою Нѣмцевъ, которые и испытали это не дальше, како въ 1256 г. Извѣщенный тогда Новгородцами о томъ, что сборная рать Шведовъ, Финновъ, Латышей и ливонскихъ рыцарей строитъ городокъ на р. Наровѣ, въ землѣ новгородской, Александръ, съ митрополитомъ владимірскимъ и полками великокняжескими, прибылъ въ Новгородъ, вооружилъ полки новгородскіе и, не сообщая никому цѣли похода, двинулся къ Копорью, тутъ отпустилъ назадъ митрополита, а самъ, съ Владимірцами, да немногими оставшимися при немъ Новгородцами, и какими-то мѣстными «шестниками», пошелъ прямо въ Емь — нынѣшнюю Финляндію. «И бысть — замѣчаетъ лѣтописецъ—золъ путь, акы же не видѣли ни дни, ни нощи». Подъ такими то непроглядными туманами, по страшнымъ сугробамъ болотныхъ ущелій, въ которыхъ «многымъ шестникомъ бысть пагуба, а Новгородцевъ Богъ сблюде», герой Невскій добрался таки въ Емь—къ ужасу Шведовъ, растерявшихся при одномъ появленіи *такого* врага въ этой, по ихъ убѣжденію, недоступной странѣ. Когда Емь была пройдена изъ конца въ конецъ и лишилась множества туземцевъ—«овыхъ избиша, а другыхъ изъимаша», поясняетъ лѣтописецъ[89]), Александръ благополучно возвратился въ Новгородъ, безопасность котораго, со стороны присмирѣвшихъ Шведовъ, была обезпечена этимъ славнымъ походомъ, какъ оказалось впослѣдствіи, лѣтъ почти на сорокъ[90]). Но изъ Новгорода побѣдитель Еми спѣшилъ уже во Владиміръ, гдѣ, въ это время, шли дѣятельные переговоры съ ханскими чиновниками объ исчисленія народа для раскладки дани — вопросъ важный, рѣшеніе котораго не только опредѣляло такъ или иначе всѣ будущія отношенія Руси къ Татарамъ, но даже могло заключить къ себѣ или нѣтъ залоги ея освобожденія когда нибудь. Александръ понималъ это — и, «страдалецъ» за землю русскую, онъ, увѣнчанный лаврами столькихъ побѣдъ, не остановился передъ тяготою новой поѣздки въ орду для того собственно, чтобъ, не жалѣя себя, но въ пользу другихъ,

[88]) Бѣляевъ: Вел. кн. Алекс. Яросл. Невск. с. 23.

[89]) Новгор. Первая Лѣтоп., с. 56.

[90]) Послѣ Александрова похода въ Финляндію, въ 1256 г., Шведы явились въ новгородскія владѣнія не прежде 1293 г., т. е. чер зъ 37 лѣтъ.

снова унижаться передъ ханствовавшимъ Татариномъ и ласкательствовать его продажнымъ слугамъ. Оцѣнивая или нѣтъ такое самопожертвованіе великаго князя, лѣтописецъ однако зналъ главную—и. вѣроятно. единственную—цѣль поѣздки Александра въ орду, и не только зналъ, даже интересовался этой цѣлью, иначе зачѣмъ бы ему было, послѣ отмѣтки, подъ 1257 г. «Поѣхаша князи въ Татары: Александръ, Ондрей, Борисъ», прибавлять непосредственно: «*чтивше Улавчья*, пріѣхаша въ свою отчину» [91]). Это лѣтописное «чтивше Улавчія»—служитъ какъ объясненіе, почти оффиціальное, системы Александровой политики въ отношеніи Татаръ. И должно думать, что съ этой именно—а не другой—системой соображались тѣ первые, пріѣхавшіе вслѣдъ за Александромъ изъ орды, численники татарскіе, дѣйствія которыхъ на Руси, въ томъ же 1257 г., занесены въ лѣтопись такъ: «Тое же зимы пріѣхаша численици, исчетоша всю землю Суждальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники, и идоша въ ворду (орду): толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крылошанъ, кто зрить на святую Богородицю и на Владыку (митрополита или епископа)» [92]). Стало быть, освобожденіе отъ поголовной дани, по крайней мѣрѣ, лицъ духовныхъ—эта огромная услуга будущему Россіи — остается, по нашему мнѣнію, незабвеннымъ плодомъ личныхъ хлопотъ и трудовъ героя Невскаго. Довольный, вѣроятно, первымъ опытомъ исчисленія народнаго, и желая утвердить систему своихъ дѣйствій по этому вопросу въ наивыгоднѣйшей связи съ дѣйствіями татарскими, неутомимый Александръ отправился задобривать Улавчія еще разъ, въ 1258 г., о чемъ въ лѣтописи, подъ этимъ годомъ, сказано: «Того же лѣта поидоша князи въ Татары, Олександръ, Андрей, Борисъ, Ярославъ Тфѣрьскій; *чтивше Улавчія и вся воеводы*, и отпущени быша въ свою отчину... Тое же зимы—продолжаетъ лѣтописная отмѣтка 1258 г.—пріѣхаша численици въ Володимерь; и поидоша численици и князи къ Новугороду Великому, Александръ, Андрей, Борисъ: исчтоша, и поѣхаша опять въ Володимерь; *Алаксандра же удержаша Новгородци*, и чтиша і много; *Олександръ же давъ имъ рядъ*, и поѣха съ честью въ свою отчину» [93]). Дѣло въ томъ, что Новгородцы, больше чѣмъ не примирившіеся съ мыслью о поголовной переписи, не только рѣшили не допускать её у себя, но склонили на свою сторону сына Александрова, Василія, юношу пылкаго и неопытнаго, который собирался неразумно умирать за св. Софію, однако, заслышавъ о приближеніи къ Новгороду своего отца, хотя не сопровождаемаго никакимъ войскомъ,—бѣжалъ укрыться въ Псковъ. Появленіе въ Новгородѣ самаго великаго князя съ послами татарскими не измѣнило образа мыслей большинства гражданъ: Новгородцы приняли съ честію Александра и пословъ, представили послѣднимъ даже дары для хана, но, отказавъ рѣшительно въ десятинѣ, тамгѣ и другихъ постоянныхъ даняхъ татарскихъ, твердо стояли на своемъ, какъ ни убѣждалъ герой Невскій бывшихъ своихъ соратниковъ подчиниться горькой необходимости. Не настаивали на своемъ требованіи и послы: отложивъ взиманіе платежей до другаго времени, они отбыли изъ Новгорода «съ миромъ». Александръ остался. Прежде всего, онъ велѣлъ схватить въ Псковѣ виновнаго сына и отправилъ его, подъ стражей, во Владиміръ. Потомъ, взялся и за другихъ: какого-то «Александра и дружину его казни, овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша, кто Василья на зло повелъ» [94]). Казнь жестокая, замѣчаетъ по этому случаю, Исторіографъ; но современники—говоритъ онъ—признавали её справедливою, и самый народъ считалъ ихъ (казненыхъ) виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: столь власть родительская казалась священною» [95]). Такъ же думаемъ и мы, тѣмъ больше, что приведенный выше разсказъ лѣтописца о новгородской казни 1258 г., заканчивается, очевидно не безъ цѣли, извѣстнымъ текстомъ: «всякъ бо злый злѣ да погыбнетъ» [96]).

Весь 1259 г. Александръ провелъ, повидимому, въ своемъ стольномъ Владимірѣ; Татары заняты были тогда удачной войной съ Литвою и Русь оставалась спокойной. Но зимой 1259—1260 г., Новгородцы, встревоженные ложнымъ слухомъ, что сильная рать Татаръ въ низовой землѣ ждетъ приказанія двинуться на Новгородъ, собрали вѣче, и рѣшивъ: въ предупрежденіе грозы татарской, исполнить безпрекословно волю хана *дачею числа*,—послали сказать о томъ великому князю. Александръ, получивъ такое важное извѣстіе, счелъ нужнымъ явиться въ Новгородъ лично и пріѣхалъ туда, въ началѣ 1260 г., сопровождаемый двумя ханскими чиновниками, Беркаемъ и Касачикомъ, при которыхъ находились ихъ семейства и многочисленная свита. Сначала все шло хорошо. Но когда чиновники ханскіе, неосторожными притѣсненіями возбудившіе неудовольствія, увидѣли себя не въ безопасности и, потребовавъ, получили отъ Александра охранную стражу, разумѣется, изъ Новгородцевъ же,—самолюбивый Новгородъ всталъ открыто; завопилъ, что его обманули; мнѣнія въ немъ раздѣлились: Торговая сторона (чернь) поднялась на Софійскую (бояръ)—и уже не далеко было до кровопролитія, по своимъ послѣдствіямъ, пагубнаго. Но герой Невскій, не охотникъ до кровопролитія, предупредилъ

[91]) Лаврент. Лѣтоп. с. 203.
[92]) Тамъ же.
[93]) Тамъ же.

[94]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 56.
[95]) Карамзинъ: Ист. Гос Рос. т. IV, с. 43.
[96]) Лаврент. Лѣтоп. с. 203.

бѣду способомъ самымъ мирнымъ: сопровождаемый Татарами и дружиной великокняжеской, онъ выѣхалъ изъ такъ называемаго Городища или дворца, показывая видъ, что предоставляетъ мятежный городъ его несчастной судьбѣ и гнѣву ханскому. Неожиданность этаго выѣзда попала прямо въ цѣль, обливъ Новгородцевъ, какъ водой: изумленные, испуганные, они почему-то удостовѣрились еще больше въ существованіи «на Низу» не бывалой рати татарской и, убѣждаемые своими боярами, были челомъ Александру на всей волѣ ханской. Александръ возвратился, татарскіе чиновники принялись ковать желѣзо, пока горячо — «и почаша—говоритъ лѣтописецъ—ѣздити оканьніи (окаянные) по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя, зане навелъ Богъ, за грѣхы наша, изъ пустыня звѣри дивія ясти силныхъ плъти и пити кровь боярьскую». Такъ или почти такъ думалъ каждый Новгородецъ, глядя съ горестью и злобой на ненавистную перепись. Но дѣло было уже сдѣлано— «и отъѣхаша оканьніи, *вземше число*» [97]). Однако герой Невскій, чѣмъ могъ, порадѣлъ своимъ соратникамъ, Новгородцамъ: у нихъ не оставлено тогда, и не видно потомъ, ни баскака, никакого другаго татарскаго чиновника; такъ, что ежегодную дань они должны были отсылать въ орду сами, или представлять её великому князю, въ общій, такъ называемый, *выходъ ордынскій*. Это, повидимому, преимущество, быть можетъ, удовлетворявшее нѣсколько и самолюбію гордаго Новгорода, остается, въ сущности, однимъ изъ доказательствъ благоразумной и дальновидной политики Александра Невскаго, потому что, какъ замѣчаетъ—и справедливо—одинъ изъ историковъ нашихъ, «платежъ выхода *привязывалъ Новгородъ къ особѣ великаго князя*, который былъ посредникомъ между ханомъ и князьями и русскимъ народомъ всѣхъ подчиненныхъ земель» [98]). Покончивъ такъ счастливо затруднительное дѣло новгородское, Александръ простился съ Новгородцами—уже по отъѣздѣ татарскихъ численниковъ и по водвореніи на Городищѣ одного изъ сыновей своихъ, о чемъ «въ лѣтописи сказано именно: «а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрія на столѣ (новгородскомъ» [99]). Прежде однако, чѣмъ возвратиться въ столицу великокняжескую, Александръ посѣтилъ Ростовъ; и посѣщеніе это лѣтописецъ—въ выраженіяхъ, обрисовывающихъ, нѣкоторымъ образомъ, набожность героя Невскаго и, отчасти, патріархальный бытъ того времени—отмѣчаетъ такъ: «Пріѣха изъ Новгорода Олександръ къ святѣй Богородицѣ въ Ростовъ, въ среду страстныя недѣли (1260), и кланяся святѣй Богородици, и цѣлова крестъ честный, и кланяся епископу Кириллу: «Отче святый! твоею молитвою и тамо въ Новгородъ ѣхалъ есмь здоровъ, и сѣмо пріѣхалъ есмь твоею молитвою здоровъ. Блаженный же епископъ Кирилъ, Борисъ и Глѣбъ (Васильковичи, князья Ростовскіе)» [100]), и мать ихъ, Марья княгиня [101]), чтиша Олександра съ великою любовью: и поѣха въ Володимерь» [102]).

Тутъ, во Владимірѣ, великій князь оставался спокойнымъ весь 1261 г., въ теченіе котораго, по выраженію лѣтописца, «бысть тишина» [103]), а герою Невскому довелось испытать двѣ радости: первая — рожденіе у него сына, Даніила, впослѣдствіи князя московскаго, сопричтеннаго церковью къ лику святыхъ, отца знаменитаго Ивана Калиты; вторая—учрежденіе въ Сараѣ, столицѣ Батыевой, православной епархіи, подъ названіемъ Сарской, доказывавшее, что вѣра Христова имѣла уже тогда многочисленныхъ поклонниковъ и на низовыхъ Волги. Но въ 1262 г. спокойствіе Александра потряслось происшествіемъ, которое случилось хотя въ одномъ только краю суздальско-ростовскомъ, но, при другихъ обстоятельствахъ, могло бы отозваться горько всей землѣ Русской. Дѣло было такъ: Татары, опредѣливъ переписью количество дани съ народа русскаго, уступили эту дань, разумѣется, изъ-за наддачи къ ней, Хазарамъ и Хивинцамъ, слывущимъ въ нашихъ лѣтописяхъ вообще *бесерменами*, которые, какъ дѣлаютъ обыкновенно откупщики, старались вознаградить себя съ лихвой, а потому притѣсняли всячески несчастный народъ. И вотъ, въ одно и то же время, какъ будто въ силу предварительнаго согласія, по всѣмъ городамъ суздальско-ростовскаго края загудѣли вѣчевые колокола, призывая выведенный изъ терпѣнія народъ управиться съ притѣснителями земствомъ, помимо князей. Управа эта, къ чести русскаго сердца, обошлась почти безъ кровопролитія и ограничилась единственно изгнаніемъ жестокосердыхъ откупщиковъ,—событіе, о которомъ лѣтописецъ, замѣтно сочувствующій ему, повѣствуетъ такъ: «Избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ: изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля; окупахуть бо ти оканьніи бесурмене дани, и отъ того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще рѣзы (проценты), и многы души крестьяньскыя розно ведоша. Видѣвше же человѣколюбецъ Богъ, послуша моленья Матерня,

[97]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 57.

[98]) Костомаровъ: Сѣвернорус. народопр. т. I, с. 107.

[99]) Новгор. Первая Лѣтоп., с. 57.

[100]) Борисъ Василькoвичъ, князь ростовскій, почти неразлучный спутникъ Александра Невскаго, своего дяди, род. 1231 † 1277 г. Глѣбъ Васильковичъ, впослѣдствіи князь Бѣлозерскій, † 1278.

[101]) Марія, жена Василька Константиновича (р. 1209 † 1238), князя ростовскаго, убитаго Татарами и сопричтеннаго церковью къ лику святыхъ, была дочь Михаила Всеволодовича, князя черниговскаго, также признаннаго святымъ.

[102]) Лаврент. Лѣтоп. с. 203.

[103]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 57.

избави люди своя отъ великыя бѣды» [104]). Впрочемъ, бѣда, собственно говоря, могла грозить еще впереди, еслибъ ханъ татарскій, долженствовавшій считать себя оскорбленнымъ въ лицѣ своихъ откупщиковъ, захотѣлъ наказать землю русскую, по тогдашнему обыкновенію татарскихъ хановъ, огнемъ и мечемъ. Да и есть извѣстіе, что полки ханскіе уже выступили тогда изъ орды, неся съ собою казнь мятежникамъ [105]). Позаботиться о предотвращеніи текой бѣды надлежало всѣми мѣрами. За этотъ тяжкій трудъ взялся опять герой Невскій, какъ старѣйшій между князьями русскими, а въ настоящемъ случаѣ, и какъ лицо больше другихъ отвѣтственное, потому что при всѣхъ договорахъ о порядкѣ распредѣленія и взиманія дани—договорахъ, къ намъ не дошедшихъ, порукою въ исправныхъ платежахъ Русскими всѣхъ повинностей Александръ ставилъ Татарамъ самаго себя. На себя же, слѣдовательно, доводилось ему теперь принять и первый взрывъ свирѣпаго гнѣва ханскаго. Понимая хорошо всю опасность своего положенія, Александръ однако не остановился передъ ней, но великодушно жертвовалъ собой и, въ сборахъ къ отъѣзду въ орду, распоряжался, какъ передъ смертью, напр. домочадцамъ своимъ, отправлявшимся съ сыномъ его Дмитріемъ, княземъ новгородскимъ, въ походъ къ Дерпту, даже сказалъ на прощанье: «служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ» [106]).

Александръ поѣхалъ, достигнулъ орды, нашелъ хана (Берку) въ Сараѣ, предсталъ ему—и обезоружилъ его. «Сей Батыевъ преемникъ—пишетъ о ханѣ Берку Исторіографъ нашъ—любилъ искуства и науки, ласкалъ ученыхъ и художниковъ, украсилъ новыми зданіями свою кипчакскую столицу, позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ свободно отправлять христіанское богослуженіе» [107]). Къ сожалѣнію, подробности этой поѣздки Александра въ орду, бывшей для него четвертою и послѣднею, остаются неизвѣстными. Видно только, что полки ханскіе, уже двинутые на Русь, предстательствомъ Александра — возвращены съ дороги и отношенія самой Руси въ Татарамъ подтверждены на прежнихъ основаніяхъ. Кромѣ того, Александру удалось отклонить ханское требованіе русскаго войска, для похода куда-то съ Татарами [108]). Дѣла такой важности, конечно, не могли оборачиваться около пальца—и Александръ, по свидѣтельству лѣтописей, оставался въ ордѣ цѣлый годъ. Тамъ, слѣдовательно, узналъ онъ объ удачномъ концѣ похода сына своего, Дмитрія, подъ Дерптъ, который «единымъ приступленіемъ взятъ бысть, и люди многы града того овы побиша, а другы изъимаша живы; а иніи огнемъ пожжени, и жены ихъ и дѣти, и взяша товара безъ числа, и полона» [109]). Между тѣмъ, здоровье Александра, ослабленное, въ особенности, послѣднимъ пребываніемъ великаго князя въ ордѣ, начинало измѣнять герою Невскому, лѣтами далеко еще не старому, и онъ, отпущенный, наконецъ, ханомъ, но уже полу-больной, осенью 1263 г. предпринялъ обратный путь въ отечество. Дорогою, Александръ ослабѣлъ еще больше и долженъ былъ пріостановиться въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда, послѣ кратковременнаго отдыха, онъ отправился было далѣе, но, пріѣхавъ въ Городецъ-Волжскій, разнемогся совсѣмъ и слегъ тутъ же, въ Ѳедоровскомъ монастырѣ [110]). Силы больнаго упадали постепенно, Александръ чувствовалъ близость смерти, желалъ постриженія и принялъ его, съ именемъ *Алексія*. Приближенные, простившись уже съ умирающимъ, рыдали у одра его: «Удалитесь и не смущайте души моей жалостію»! молилъ ихъ государь-инокъ [111]). Началась агонія, инокъ Алексѣй посвященъ въ схиму и, ночью на 14 ноября, его не стало... «О!—восклицаетъ одинъ изъ очевидцевъ этой смерти—горе тебѣ, бѣдный человѣче! Како можеши написати кончину господина своего? Како не упадета ти зѣници вкупѣ со слезами? Како же не урвется сердце твое отъ коренія? отца бо оставити человѣкъ можетъ, а добра господина не мощно оставити; аще бы лзѣ и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ» [112]). Такъ умѣлъ Александръ привязывать къ себѣ сердца людей, любившихъ въ немъ «господина» больше, нежели любятъ обыкновеннно отца роднаго!

Печальная вѣсть долетѣла во Владиміръ скоро. Тамошній митрополитъ Кириллъ узналъ о несчастіи первый и, находясь тогда въ служеніи, воскликнулъ, со слезами, къ народу: «Чада моя милая! разумѣйте, яко зайде солнце русской земли!» Народъ понялъ эти слова— и отвѣтствовалъ единогласно: «уже погыбаемъ!» 24 ноября, все населеніе стольнаго Владиміра, «маліи и велицін», двинулось за 10 верстъ отъ города, къ монастырю Боголюбову, встрѣчать тѣло усопшаго государя. Тутъ, и на всемъ пути до Владиміра, происходило зрѣлище любви и скорби: «народи же—разсказываетъ очевидецъ—съгнатахутся (тѣснились), хотяще прикоснутися на честнѣмъ одрѣ святаго тѣла его, бысть же вопль и кричаніе и туга, *яка же нъсть была*, яко и

[104]) Тамъ же, с. 204.

[105]) Времянникъ (Софійскій), ч. I, с. 272.

[106]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 107.

[107]) Тамъ же, с. 56.

[108]) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 56. — Бѣляевъ: Вел. кн. Алек. Яросл. Невскій, с. 40.

[109]) Новгор. Первая Лѣтоп. с. 57.

[110]) Ѳедоровскій-Городецкій или Радиловскій мужескій заштатный монастырь, въ селѣ Городцѣ, балахнинскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги. Основанъ, кн. Юріемъ псковскимъ, въ 1164 г. Называется Радиловскимъ по бывшему тудъ, на мѣстѣ села Городца, городу, Радилову, извѣстному въ исторіи съ 1171 г.

[111]) «Житіе св. Александра», рукоп. Спб. Дух. Акад. № 273. — Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. т. IV, с. 56.

[112]) Псков. Вторая Лѣтоп. с. 5.

земли потрястися». По принесеніи одра съ тѣломъ во Владиміръ, началось отпѣваніе тѣла, въ Рождественскомъ монастырѣ» [113]). «Бысть же тогда—продолжаетъ очевидецъ — чюдо дивно и памяти достойно: егда убо положено бысть святое тѣло его (Александра) въ раку (гробъ), тогда Савастіянъ икономъ и Кирилъ митрополитъ хотя розъяти ему руку, да вложатъ ему грамоту душевную, онъ же акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взятъ грамоту отъ руки митрополита; и пріятъ же я ужасть, и одва отступиша отъ раки его. Се же бысть слышано всѣмъ отъ господина митрополита и отъ иконома его Савастіана. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю и везому отъ далнихъ градъ въ зимное время? И тако прослави Богъ угодника своего» [114]). Погребеніе тѣла, отъ многихъ почитавшагося уже святымъ, совершено тутъ же, въ соборной Богородицкой церкви владимірскаго Рождественскаго монастыря. Надъ могилой почившаго героя помѣщена тогда же та самая икона Знаменія Божіей Матери, которую онъ носилъ съ собой въ походахъ [115]).

Такъ жилъ и умеръ великій князь Александръ Невскій. Сожалѣніе о смерти его было въ русской землѣ повсемѣстное. Современники Александра чувствовали, что съ этой смертью они теряютъ государя, который «многъ трудъ показа по богодарованной ему державѣ всео рускія земля (sic), и животъ свой полагая за православную вѣру» [116]). Даже лѣтописецъ Новгорода, съ Александромъ часто неладившаго, отмѣтку свою о погребеніи героя Невскаго заключаетъ слѣдующими, очевидно, сердечными словами: «дай, Господи милостивый, видѣти ему лице твое въ будущій вѣкъ, иже потрудися за Новъгородъ и за всю русьскую землю» [117]). Къ этому присоединились воспоминанія, что почившій государь «бѣ іереелюбецъ и мнихолюбецъ, и нищая любя, митрополита же и епископы чтяше и послушаше ихъ, аки самого Христа» [118]). Наконецъ, въ понятіяхъ современниковъ Александра и въ преданіяхъ поколѣній, къ нему ближайшихъ, сложились слѣдующія черты нравственной личности героя Невскаго: «Сей благовѣрный и благородный, Богомъ преудобренный и хваламъ достойный великій князь... во все время юности своея смиренномудріе вседушно держаше, воздержася и бдя, чистоту душевную и тѣлесную соблюдаше, кротость же стяжа и тщеславія отвращашеся, и много полагаше тщаніе чрево удержавати, вѣдый, яко чревное насыщеніе цѣломудріе раззаряетъ, и бдѣнію спону (помѣху) сотворяетъ, и прочимъ добродѣтелемъ сопротивляется. Во устѣхъ же его безпрестани бяху божественная словеса, услажающа его паче меда и сота; прочитая же ихъ со усердіемъ, и внимаше, и желаше сихъ реченная и дѣломъ исполняти... Аще бо и честію земнаго царствія почтенъ бысть отъ Бога, и супруга имѣ и чада прижи, но смиренную мудрость стяжа паче всѣхъ человѣкъ... По премногу же милостивъ бысть... Самъ всегда Богомъ сохраняемъ, и отъ всѣхъ сопротивныхъ вездѣ невредимъ пребываше. Наипаче же удиви Господь милость свою на немъ и бысть всѣмъ сопротивнымъ страшенъ и грозенъ, и по всюду имени его трепетаху. Мудрость же и остроуміе дадеся ему отъ Бога яко Соломону. Паче же всего любяше правосудіе, о немъ и боляръ своихъ часто наказуя притчами отъ божественныхъ писаній, яко да преже всего воспросятъ отъ Бога премудрости, и отъ піянства удержатся, и сами предъ Богомъ да смирятся, да не забудутъ праведно судити, и не познаютъ лица сильнаго, и не пріемлютъ мзды неправедныя, и никого же обидятъ, но да избавятъ обидима отъ руки обидящихъ, и паче повелѣннаго имъ ничто же взъемлютъ, но доволни будутъ оброки своими. И тако многажды глаголаше, овогда своея державы страхомъ воспрещаше имъ, овогда же и вѣчное воздаяніе предлагаше имъ, иже на страшнѣмъ судѣ Христовѣ комуждо по дѣломъ его. Боляре же и вси людіе, видяще отъ Бога дарованную ему премудрость, ничто же могуще отвѣщавати, но вседушно обѣщавахуся творити, яко же повелѣваше имъ» [119]).

Такія понятія и преданія были причиною, что память объ Александрѣ Невскомъ не только не исчезала, но, напротивъ, пріобрѣтала больше и больше характеръ чего-то священнаго и, наконецъ, съ теченіемъ времени, перешла въ область вѣрованій. Надъ мѣстомъ погребенія тѣла героя Невскаго начались знаменія. Вотъ сказаніе о первомъ изъ нихъ, относящееся къ 1380 г., когда Дмитрій Донской выступалъ на брань съ Мамаемъ: «Въ преименитомъ градѣ Владимири, во обители Пречистыя Богородицы честнаго ея Рожества, у честныя раки блаженнаго великаго князя Александра, во едину отъ нощей, понамареви церкви тоя *спящу* въ папертн церковней, и *видѣ* въ церкви свѣщи о себѣ возгорѣвшася, и два старца изыдоша честна отъ святаго олтаря, и пріидоста ко гробу блаженнаго Александра, и глаголаста: «О господине Александре! востани, и ускори на помощь пра-

[113]) Рождественскій монастырь, бывшій каѳедральнымъ іерарховъ владимірскихъ, основанъ вел. кн. Всеволодомъ III, въ 1191 г., и упраздненный съ 1764 г., остается теперь церковью въ кремлѣ г. Владиміра на Клязьмѣ.

[114]) Псков. Вторая Лѣтоп. с. 5.—Временникъ (Софійскій), ч. I, с. 273.—«Житіе св. Александра» рукоп. Александроневск. Лавры, л. 69, на об.

[115]) Ратшинъ: Полное собраніе историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчательныхъ церквахъ въ Россіи. Изд. 1852. с. 42.

[116]) Кипріанъ, св., и Макарій митрополиты: Книга Степенная царскаго родословія, содержащая Исторію Россійскую, съ начала оныя до временъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича. Изд. 1775. ч. I, с. 373—374.

[117]) Новгор. Перв. Лѣтоп. с. 58.

[118]) Псков. Вторая Лѣтоп. с. 5.

[119]) Книга Степенная, ч. I, с. 355—357.

внуку своему великому князю Димитрію, одолѣваему сущу отъ иноплеменныхъ». И въ той часъ святый великій князь Александръ воста изъ гроба, и абіе со обѣма старцама вскорѣ невидима быста. Понамарь же повѣда таковое всему священному собору. Они же много молитвовавше, и дерзнувше копати мѣсто, и дѣже положенъ бысть, и обрѣтоша честныя его мощи цѣлы, и тлѣнію не причастны. И со многимъ благоговѣніемъ вземше, и положиша ихъ честно въ рацѣ *верьху земли*, и оттуду наипаче благоволеніемъ Божіимъ начаша отъ него бывати много чудеса и различна недужнымъ исцѣленія» [120]). Въ 1491 г. владимірскій Рождественскій монастырь сгорѣлъ, и къ этому случаю пріурочено второе сказаніе, которое повѣствуется такъ: *«О явленіи на воздусѣ святаго великаго князя Александра Невскаго, и о пожарѣ*. Въ лѣто 6999 (1491) маія въ 23 день, въ понедѣльникъ, въ пременитомъ градѣ Владимірѣ бысть ужасно видѣніе и страшно явленіе и грозно знаменіе гнѣва Божія, имъ же наказуя насъ Богъ, и отъ грѣхъ на покаяніе приводя. *Иже глаголютъ нѣцыи*, яко нѣкогда во единъ отъ дній, по божественной литургіи, видѣша мнози надъ каменною церковію Рожества Пречистыя Богородицы славныя обители честнаго архимандритства, прямо чюдесныхъ мощей блаженнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, во инноцѣхъ же Алексѣя, отъ самого верха церкви тоя, видѣша необычно видѣніе, яко облакъ легкій протязашеся, или яко дымъ тонокъ изливаяся, бѣлостию же яко иней чистъ, свѣтлостію же яко солнцу подобообразно блещася; идѣже тогда въ тонкости и свѣтлости облака того видѣша подобіе образа блаженнаго великаго князя Александра на кони выспрь, яко къ небеси, възимаяся ѣздяща. Людіе же, видѣвше сіе, великимъ страхомъ и ужасомъ одержими бяху, и начаша по всему граду звонити. И абіе въ полдень дни того таковъ великъ пожаръ бысть, яко весь градъ и со всѣми домы згорѣ, тако же и посады. Еще же во градѣ томъ и самый пречестный той вышереченный монастырь Пречистыя Богородицы честнаго ея Рожества погорѣ; въ церковь же ту собрашася множество иноковъ и мирскихъ со множествомъ имѣніемъ (sic). И абіе Божіимъ попущеніемъ и внутрь церкви тоя все выгорѣ, и съ людьми. И чюдотворныя же мощи святаго и преподобнаго великаго князя Александра Ярославича, на нихъ же аще и бысть видѣти *нѣчто огненнаго знаменія*, но обаче Богомъ тако сохранена быша, яко и пелена, иже бяше во гробѣ его, обрѣтеся невреженна отъ непостояннаго того огня» [121]). Сказаніе о третьемъ знаменіи сообщаетъ, что, въ 1541 г. «по праздницѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, въ день пятка, по отпущеніи вечерни, загорѣся свѣща о себѣ у гроба блаженнаго великаго князя Александра, и сіе видѣша мнози отъ братія; понамареви же просту сущу, и неразумѣющу преславнаго чудодѣйствія, зѣло ужасеся, и абіе погаси свѣщу ону, небеснаго огня свѣтеніе. Возвѣщенно же бысть сіе архимандриту Ефросину: онъ же пріиде скоро, и осяза рукою своею свѣщу ону, и ощути еще воскъ теплъ, идѣже было небеснаго огня возгорѣніе. Та бо свѣща отъ многихъ лѣтъ не бяше возжена, но поставляху на ней инныя свѣщи, и вжигаху» [122]). Передаваясь изъ рода въ родъ, сказанія эти, повидимому, убѣдили достаточно Макарія, митрополита московскаго, предложить объ установленіи впредь общаго, по всей Россіи, празднованія св. Александру Невскому, которое, до того времени, совершалось мѣстно, только въ одномъ Владимірѣ,—и предложеніе Макарія утверждено Московскимъ соборомъ 1547 г. [123]). Пять лѣтъ спустя, очевидцемъ новаго знаменія отъ мощей св. Александра Невскаго довелось быть и царю Ивану IV Васильевичу Грозному, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ въ томъ одинъ изъ его современниковъ, повѣствующій, главнымъ образомъ, о себѣ самомъ — слѣдующее: «Когда идый (царь) къ Казани ратію, и бывшу ему во градѣ Владимири, и въ монастыри въ церкви Рожества Пресвятыя Богородицы моленія своя къ Богу исполняющи, и тогда въ церкви той, во время соборныя молитвы, случися быти ту у цѣлбоносного гроба блаженнаго и великаго князя Александра и *мнѣ* грѣшнѣйшему. И видѣ же, близъ помосту церковнаго, на гробѣ блаженнаго малу скважню; и яко уразумѣти хотя: что есть скважня она? и вложихъ персты руки моея въ скважню ту, и очутихъ яко въ масть нѣкую омочихъ руку мою, на ней же бяше струпъ нѣкаковъ малъ отъ многа времени; и абіе исторгнухъ отъ скважни руку мою, и чюяшеся на ней яко масломъ маститомъ, или яко миромъ благовоннымъ, помазаній; и струпъ на ней не обрѣтеся отъ дни того и до нынѣ» [124]).

Въ 1695 г. устроена въ Москвѣ первая рака для мощей св. Александра Невскаго—деревянная, въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ изящной рѣзной работы, съ ликомъ святаго на верху, четырьмя кругами по сторонамъ, заключавшими въ себѣ начертаніе краткаго житія угодника, и слѣдующею надписью по верхнему обводу раки: «Въ сей сребропозлащенной ракѣ положенныя Святыя Мощи Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Князя Александра Ярославича, во иноцѣхъ Преподобнаго Алексія Невского і Владимірскаго і всея Росіи Чудотворца, внука бывша Всеволоду, правнука Георгію Долгоруку, праправнука Владиміру Мономаху, иже былъ пра-

[120]) Тамъ же, с. 374.

[121]) Тамъ же, ч. II, с. 155—156.

[122]) Тамъ же, ч. I, с. 375.

[123]) Евгеній (Болховитиновъ) митрополитъ: Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. Изд. 1827. т. II, с. 16.

[124]) Книга Степенная, ч. II, с. 157.

внукъ Великому Князю Владиміру Святославичу, во Святомъ Крещеніи нареченному Василію, просвѣтившему Россійскую землю Святымъ Крещеніемъ, отъ него же осмь степень великихъ князей Александръ» [125]). Рака покрыта была большой плащаницей, съ изображеніемъ св. Александра, вышитымъ по камкѣ; надъ главой—образъ св. Троицы; вѣнцы обнизаны жемчугомъ; опушка—атласъ зеленый; тропарь и кондакъ шиты золотомъ и серебромъ; подбой—красная тафта. Въ эту раку св. мощи вложены въ 1697 г. Илларіономъ, митрополитомъ суздальскимъ, и пребывали на томъ же мѣстѣ, въ соборной Богородицкой церкви владимірскаго Рождественскаго монастыря, до 1723 г., когда императоръ Петръ I, обстроивъ свою сѣверную столицу, задумалъ украсить её святынею мощей побѣдителя Шведовъ на Невѣ и, указомъ 29 мая, повелѣлъ перенести эту святыню въ С.-Петербургъ, а для необходимыхъ приготовленій къ такому перенесенію — нарядить особую коммисію, подъ вѣдѣніемъ св. сѵнода.

Коммиссія приступила къ дѣлу немедленно. По распоряженію св. сѵнода, устроены были: ковчегъ, для вмѣщенія рака съ св. мощами, и балдахинъ, для осѣненія ковчега,—оба съ приличнымъ «державной персонѣ» украшеніемъ. Ковчегъ, обитый малиновымъ бархатомъ съ золотымъ позументомъ, имѣлъ, утвержденною на крышкѣ, подушку лазореваго цвѣта, обложенную со всѣхъ сторонъ золотымъ же позументомъ съ кистями; подушка увѣнчавалась княжеской шапкой малиноваго бархата, обложенной на-крестъ широкимъ нѣмецкимъ позументомъ и опушенной горностаемъ, съ серебрянымъ вызолоченымъ крестомъ на верху. Балдахинъ, обитый снаружи таусиннымъ (темновишневымъ) бархатомъ, а внутри малиновымъ байберекомъ (шелковая матерія), и обложенный весь золотымъ позументомъ, имѣлъ на верху мѣдный вызолоченый крестъ, а по сторонамъ четыре такія же лампады.

Сопровождать св. мощи отъ города Владиміра до С.-Петербурга, сѵнодальнымъ указомъ предписано Рождественскаго монастыря архимандриту Сергію, «яко въ первостепенныхъ всероссійскихъ архимандритахъ третій градусъ имущему»; а въ Сенатъ сообщено о назначеніи «достойной изъ знатнаго офицерства персоны, могущей быть въ уравненіи противъ того архимандритскаго градуса»; и сенатскимъ опредѣленіемъ въ должность эту назначенъ окольничій Михаилъ Васильевичъ Собакинъ. Архимандриту и окольничему вмѣнялось въ обязанность: сопровождать св. мощи съ строгимъ наблюденіемъ, чтобъ въ мѣстахъ неудобныхъ не произошло излишняго замедленія, а въ удобныхъ «вредительной» поспѣшности; чтобъ всѣ, при мощахъ находящіеся, какъ духовныя лица, такъ и охранный караулъ, «разсмотрительно опредѣленный», были неотлучны; наконецъ, чтобъ никакихъ притомъ «сквернословій и непотребныхъ дѣйствъ» ни отъ кого отнюдь не происходило. Имѣть станы приказано не иначе, какъ «въ удобныхъ полевыхъ мѣстахъ», при чемъ ковчегъ съ св. мощами содержать въ шатрѣ, подъ надлежащимъ присмотромъ и храненіемъ.

11 августа 1723 г., послѣ литургіи, при молебномъ пѣніи, св. мощи поставлены «честно» въ изготовленный ковчегъ и, окружаемыя тѣснящимся къ нимъ народомъ, вынесены изъ Рождественскаго монастыря, съ процессіею и колокольнымъ звономъ; 17 того же мѣсяца, къ вечеру, прибыли въ Москву и состояли, до утра, у пруда, что подъ Краснымъ селомъ, близь двора князя-кесаря Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго; 18 числа, въ 6 часовъ утра, привѣтствованы благовѣстомъ съ Ивановской колокольни, а въ 7 часовъ на срѣтеніе имъ вышли крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора духовныя «персоны» съ многочисленнымъ народомъ, причемъ молебное пѣніе совершено у церкви Василія Кесарійскаго, потому что ни въ одни кремлевскіе ворота, за высотою балдахина, пройти было нельзя; и отсюда, уже въ 3 часу дня, несены далѣе, въ сопровожденіи назначенныхъ слѣдовать за ними до села Всесвятскаго протоіереевъ дворцоваго Верхоспасскаго собора, съ духовенствомъ всего Никитскаго сорока, между тѣмъ какъ по всей Москвѣ, до самаго вечера, происходилъ звонъ. Не доходя Всесвятскаго, ковчегъ съ св. мощами былъ поставленъ на полѣ, подъ царскимъ шатромъ, и тутъ, для множества поклонниковъ, священники молебствовали почти всю ночь. Отъ села Всесвятскаго до села Никольскаго св. мощи провожала Дарья Арчиловна, царевна имеретійская, со всѣми своими домашними. Пронесенныя, 26 августа, съ обычнымъ торжествомъ, черезъ Тверь, св. мощи, 7 сентября, въ Бронницахъ, поставлены на судно и, 9 числа, въ водахъ озера Ильменя, встрѣчены братіей Юрьева монастыря на лодкахъ, а по изнесеніи на берегъ—приняты съ честію епископомъ, всѣмъ духовенствомъ и множествомъ обывателей Новгорода, въ сопровожденіи которыхъ процессія св. мощей слѣдовала до соборной церкви Юрьева монастыря, гдѣ ковчегъ поставленъ у сѣверныхъ дверей. Отсюда, 10 сентября, послѣ литургіи и молебна, св. мощи, сопровождаемыя епископомъ новгородскимъ, съ соборомъ всего духовенства, несены черезъ Волховскій мостъ, а за тѣмъ, поставленныя опять на судно, везены, въ томъ же сопровожденіи, до новгородскаго Антоніева монастыря, у котораго, на суднѣ же, прочтено самимъ епископомъ напутственное евангаліе. Въ дальнѣйшемъ шествіи до Ладоги, ковчегъ съ св. мощами срѣтаемъ былъ духовными процессіями по чину. Изъ Ладоги процессія св мощей слѣдовала сухимъ путемъ и очень спѣшила, чтобъ къ дню 30 августа, годовщинѣ заключенія славнаго нейштадтскаго мира, быть въ С.-Петербургѣ. Но такъ какъ день этотъ приближался, а про-

[125]) Жизнь св. благов. вел. кн. Алек. Нев. Изд. 1853. с. 91.

цессія была еще далеко отъ Петербурга, то Петръ, 28 августа, послалъ ей указъ: не спѣша къ Петербургу, направиться въ Шлиссельбургъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. 18 сентября процессія св. мощей прибыла въ Шлиссельбургъ, гдѣ, 1 октября, по Высочайшему указу, св. мощи вынуты изъ ковчега и поставлены въ каменной церкви Благовѣщенія. Здѣсь находились онѣ до 30 августа 1724 г.,—дня, назначеннаго для торжественнаго перенесенія ихъ въ С.-Петербургъ.

Въ этотъ назначенный день, императоръ Петръ I, въ сопровожденіи всего генералитета, выѣхалъ на галерѣ къ устью Ижоры, тутъ встрѣтилъ св. мощи, шедшія изъ Шлиссельбурга на яхтѣ и, снявъ ихъ собственноручно съ яхты на галеру, самъ сѣлъ къ рулю, а генераловъ посадилъ къ весламъ. Плаваніе съ пушечной пальбой продолжалось, такимъ образомъ, до самой ограды Александроневскаго монастыря, къ которому, на срѣтеніе св. мощамъ, былъ выведенъ Ботикъ Петра, подъ императорскимъ штандартомъ. Когда галера пристала къ берегу, самъ государь, при неумолкаемомъ громѣ орудій и бѣглаго огня, поднялъ, съ генералами, св. мощи и донесъ ихъ собственноручно къ назначенному мѣсту—въ верхнемъ Александровскомъ придѣлѣ каменной Благовѣщенской церкви Александроневскаго монастыря. Тогда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 30 августа, день *перенесенія мощей* св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, отнынѣ и впредь праздновать ежегодно и повсемѣстно. Императрица Екатерина I, преемница Петра и исполнительница многихъ его предначертаній, учредившая, 21 мая 1725 г., въ честь и память св. Александра Невскаго, новый кавалерскій орденъ, любила окружать день 30 августа особенной торжественностью. Вотъ, напр., любопытная записка Александроневскаго монастыря, заключающая въ себѣ программу и исполненіе церемоніальнаго отправленія дня 30 августа въ 1726 г. «1) О присутствіи Ея Имп. Вел. съ высокою ихъ фамиліею заранѣ праздника ѣхать г-ну архимандриту съ прошеніемъ къ Ея Вел. на праздникъ: ко всенощной ли или къ литургіи изволитъ быть, сухимъ путемъ или флотомъ; о томъ объявить въ монастырь. 2) По той вѣдомости, въ церкви, гдѣ стоять Ея Вел—ву, велѣть убрать мѣсто архитектору, и гдѣ стоять Ихъ Вел. фамиліи, изъ трапезы обставить ширмами, и, взявъ у ризничаго, наслать коврами. 3) Ежели Ея Имп. Вел. изволитъ быть ко всенощной, заготовить архитектору, гдѣ надлежитъ, приличную иллюминацію. 4) Ежели Ея Вел. изволитъ быть сухимъ путемъ, разставить вѣстовыхъ и смотрѣть, когда Ея Вел. выступитъ до кареты, ѣхать на-скоро и репортовать о томъ эконому, а сему донести архимандриту и велѣть начать благовѣстъ. Когда Ея Вел. будетъ выѣзжать изъ Аничковой (слободы), тогда, если это будетъ вечеромъ, въ монастырѣ и слободахъ зажечь свѣчи и иллюминацію. 5) На колокольнѣ звонарямъ смотрѣть, какъ Ея Вел. приближаться будетъ къ слободѣ Невской (нынѣшняя Каретная): тогда звонить во вся, пока въ монастырь взойдетъ. 6) При въѣздѣ въ монастырь, отдать Ея Вел—ву честь пушечною пальбою, изо всѣхъ пушекъ (монастырскихъ). 7) Монахамъ въ монастырѣ, отъ каменной церкви на мосту, стоять въ мантіяхъ, въ двѣ линіи, и отдать Ея Вел. поклонъ. 8) А ежели Ея Вел. въ Невскій монастырь изволитъ быть флотомъ, то поставить дозорщиковъ и у Литейнаго двора, противъ Охты, и смотрѣть: когда Ея Вел. взойдетъ въ яхту, ѣхать на-скоро и репортовать эконому. 9) Когда яхта будетъ равняться противъ слободы (Невской), тогда звонить во вся, пока дойдутъ до Черной рѣчки; какъ поравняется съ монастыремъ, тогда отдать честь пушечною пальбою изо всѣхъ пушекъ; а потомъ - паки звонить, пока войдутъ въ церковь; а при входѣ въ монастырь—монахамъ поклонъ отдать противъ вышеписаннаго. 10) Ежели знатнымъ господамъ, пріѣзжающимъ ко всенощной, будутъ требовать квартиры,—отводить въ слободахъ. *Исполненіе.* Государыня Императрица изволила быть къ литургіи. При этомъ случаѣ, для пришествія Ея Вел—ва, честь отдана Ея Вел—ву съ 21 пушки. Моремому флоту, по пріѣздѣ къ монастырю, (салютъ) съ 11 пушекъ. По отходѣ обѣдни, данъ сигналъ съ 11 пушекъ. Какъ Ея Вел. изволила хлѣба кушать: по бѣлому флагу—2 сигнала съ 11 пушекъ; по синему флагу—3 сигнала съ 7 пушекъ; по красному флагу—съ 5 пушекъ. На отбытіе Ея Вел—ва изъ монастыря—съ 11 пушекъ. Морскому флоту, на отъѣздъ, съ 11 пушекъ» [126]).

30 августа 1753 г., мощи св. Александра Невскаго, вмѣстѣ съ прежней деревянной ракой, въ которой онѣ принесены изъ Владиміра, положены въ новую раку, устроенную, по Высочайшему повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, изъ перваго серебра, добытаго въ колыванскихъ рудникахъ. Рака эта, замѣчательная въ художественномъ отношеніи, вѣситъ одного чистаго серебра 86 пудовъ 30 фунтовъ. Она украшена чеканными барельефами, представляющими важнѣйшіе подвиги жизни и кончину св. князя. Съ правой стороны, въ кругу, вырѣзана слѣдующая, сочиненная Ломоносовымъ, надпись въ стихахъ:

Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ
И гдѣ невидимо Петру споспѣшствовалъ

Являя дщерь Его усердіе святое,
Сему защитнику воздвигла раку въ честь—

---

[126]) Духовная бесѣда. 1859. № 35, с. 273—274.

Отъ перьваго сребра, что нѣдро Ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

Вверху этого круга—два ангела, изъ которыхъ одинъ указываетъ перстомъ написанное, другой трубитъ. По бокамъ, двѣ женскія фигуры, очевидно, символическія: первая держитъ въ одной рукѣ книгу, въ другой факелъ; вторая—въ одной рукѣ мечъ, въ другой вѣсы. Мѣста, не занятыя изображеніями, украшены чеканными цвѣтами и гирляндами. На верхней доскѣ раки написанъ, по атласу, образъ св. Александра Невскаго. Серебряная крышка раки утверждена надъ нею въ видѣ балдахина на 4-хъ подставкахъ, обвитыхъ серебрянымъ гасомъ, и окаймлена со всѣхъ сторонъ золотой бахрамой, съ кистями. На крышкѣ—атласная подушка, съ бахрамой, кистями и утвержденными вверху ея, княжескими регаліями: короной, державой и мечемъ. Позади раки, въ углубленіи, сооружена высокая серебряная, пирамида, съ чеканными изображеніями св. князя и его княгини; по сторонамъ, атласныя вазы съ цвѣтами; а повыше ихъ, — два литыя изображенія ангеловъ, держащихъ серебряные щиты, на которыхъ вырѣзаны надписи, сочиненныя Ломоносовымъ же и расположенныя въ такомъ порядкѣ:

1.
«Богу
Всемогущему
и Его Угоднику
Благовѣрному
и Великому
Князю
Александру Невскому,
Россовъ усердному защитнику,
презрѣвшему прещеніе мучителя,
тварь боготворить повелѣвшаго,
укротившему варварство на
востокѣ,
низложившему завись на
западѣ,
по земномъ княженіи въ вѣчное
царство переселенному въ лѣто
1263.

2.
Усердіемъ
Петра Великаго,
на мѣсто древнихъ и новыхъ
побѣдъ перенесенному
1724 года.
Державнѣйшая
Елисавета,
отеческаго ко святымъ почитанія
подражательница,
къ нему
благочестіемъ
усердствуя,
сію
мужества и святости его дѣлами
украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея
благословенной державѣ
сребра
соорудить благоволила
въ лѣто 1752».

По обѣимъ сторонамъ пирамиды поставлены литые изъ серебра трофеи св. князя, съ воинскими доспѣхами и оружіемъ стараго времени. Рака эта, по словамъ одного старинпаго описателя Петербурга, «дѣлана была чрезъ многіе годы, и въ первыхъ на праздникъ поставлена была одна рака, потомъ послѣ пирамида, а въ 1753 году и совсѣмъ во окончаніе приведена» [127]).

Пребываніе этой раки на первоначальномъ мѣстѣ положенія св. мощей и ея постановки въ верхнемъ Александровскомъ придѣлѣ лаврской Благовѣщенской церкви, продолжалось до отстройки и освященія въ лаврѣ большаго соборнаго храма во имя Живоначальной Троицы, по совершеніи которыхъ, рака съ св. мощами, 30 августа 1790 г., въ присутствіи императрицы Екатерины II и наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича, перенесена въ новозданный Троицкій соборъ и поставлена въ полукруглой нишѣ, за правымъ клиросомъ.

Тутъ, рака съ мощами св. Александра Невскаго находится и теперь, живо напоминая всѣмъ того, кто, по справедливому выраженію древнихъ русскихъ книжниковъ, «отъ добродѣтели многу и преславну пріобрѣте похвалу, не токмо отъ человѣкъ, но и отъ самого Бога» [128]).

М. Д. Хмыровъ.

[127]) Богдановъ: Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 г. Изд. (Рубана) 1779. с. 366.

[128]) Книга Степенная, ч. I, с. 355.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 ноября 1871 года.

Печатня В. И. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.